

ISSN 2284-1059

*«ЕВРОПЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ
ПСИХОАНАЛИЗА»*

*«EUROPEAN JOURNAL OF
PSYCHOANALYSIS»*

(ДЛЯ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И СНГ)

*Спецвыпуск
Часть 1*

Рим-Киев - 2020

УДК 159.964.2

Европейски журнал психоанализа : Спецвыпуск. - 2020. - 59с.
European Journal of Psychoanalysis

Редакционная коллегия:

Светлана Уварова – ректор Международного института глубинной психологии, PhD (Киев, Украина) - *главный редактор*;

Серджио Бенвенуто – президент Института передовых исследований по психоанализу, I.S.A.P. (Рим, Италия) – *заместитель главного редактора*;

Александр Бреусенко-Кузнецов – доктор психологических наук, профессор, професор кафедры истории и теории психоанализа Международного института глубинной психологии;

Виктор Мазин – кандидат философских наук, доцент кафедры междисциплинарных исследований и практик в области искусств факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой теоретического психоанализа Восточно-Европейского института психоанализа

Дарья Дружиненко-Силян – доктор клинической психологии, психолог-исследователь, преподаватель Страсбургского Университета, Магистратуры гуманитарных и социальных наук по психологии Университета Кот-д’Азюр

Джоеле П. Чима – специалист в области клинической психологии в Университете Габриэле д’Аннунцио Кьети и Пескара

Кристиана Чимино – доктор медицины, психиатр, психоаналитик, ассоциированный член Итальянского психоаналитического общества (IPA), член Института перспективных исследований в области психоанализа (ISAP)

Мэтью Ойер – доцент кафедры психологии Школы медицины Икана Медицинского центра Маунт-Синай

Татьяна Висковатова – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры дифференциальной и специальной психологии Одесского национального университета имени И.И.Мечникова, академик Украинской академии наук, действительный член Европейской академии естествознания (Эдинбург, Шотландия), действительный член Международной академии естествознания (Глей-Изенбург, Германия)

Фернандо Кастриллон – доктор психологии, магистр социологии, профессор Калифорнийского института интегральных исследований (CIIS) и Психоаналитического института Северной Калифорнии (PINC), преподаватель Лакановской школы психоанализа (LSP)

Ханнес Нюкянен – адъюнкт-профессор (доцент) Академии Або, старший научный сотрудник кафедры философии, истории, культуры и искусствознания Хельсинкского университета

Адрес украинского представительства: 02115 г.Киев, ул.Лаврская, 16

E-mail: ejp_editor@ukr.net

Материалы выпуска размещены в переводе. Ответственность за достоверность фактов, имен собственных, цитат, цифр несут авторы публикаций. При использовании научных идей и материалов этого выпуска ссылки на авторов и издание являются обязательными.

©Европейский журнал психоанализа

European Journal of Psychoanalysis. – Спецвыпуск -2020

СОДЕРЖАНИЕ

МИШЕЛЬ ФУКО	ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «НАДЗИРАТЬ И НАКАЗЫВАТЬ. РОЖДЕНИЕ ТЮРЬМЫ»	4
ДЖОРДЖО АГАМБЕН	ИЗОБРЕТЕНИЕ ЭПИДЕМИИ	8
ЖАН-ЛЮК НАНСИ	ВИРУСНАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ	11
РОБЕРТО ЭСПОЗИТО	ИСЦЕЛЕННЫЙ ДО ПОБЕДНОГО КОНЦА	12
ЖАН-ЛЮК НАНСИ	ОТВЕТ ЖАН-ЛЮКА НАНСИ РОБЕРТО ЭСПОЗИТО	14
СЕРДЖИО БЕНВЕНУТО	ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ИЗОЛЯЦИЮ	15
ДИВЬЯ ДВИВЕДИ И ШАЙ МОХАН	СООБЩЕСТВО ПОКИНУТЫХ: ОТВЕТ АГАМБЕНУ И НАНСИ	20
РОККО РОНЧИ	ДОСТОИНСТВА ВИРУСА	25
ДЖОРДЖО АГАМБЕН	ПОЯСНЕНИЯ	33
СЕРДЖИО БЕНВЕНУТО	ЗАБУДЬТЕ ОБ АГАМБЕНЕ	35
МАССИМО ДЕ КАРОЛИС	УГРОЗА ЗАРАЖЕНИЯ	38
ШАЙ МОХАН	ЧТО НАС ВЕДЕТ	41
ЖАН-ЛЮК НАНСИ	СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ВИРУС	49
ДУЭЙН РУССЕЛЬ	ПРАВДА О КОРОНАВИРУСЕ	53
МОНИК ЛОРЕ	КАКИЕ УРОКИ МОЖНО ИЗВЛЕЧЬ ИЗ КИТАЙСКОГО КРИЗИСА COVID-19?	57

CONTENT

MICHEL FOUCAULT	FROM “DISCIPLINE AND PUNISH. THE BIRTH OF THE PRISON”	4
GIORGIO AGAMBEN	THE INVENTION OF AN EPIDEMIC	8
JEAN-LUC NANCY	VIRAL EXCEPTION	11
ROBERTO ESPOSITO	CURED TO THE BITTER END	12
JEAN-LUC NANCY	RIPOSTE BY JEAN-LUC NANCY TO ROBERTO ESPOSITO	14
SERGIO BENVENUTO	WELCOME TO SECLUSION	15
DIVYA DWIVEDI AND SHAJ MOHAN	THE COMMUNITY OF THE FORSAKEN: A RESPONSE TO AGAMBEN AND NANCY	20
ROCCO RONCHI	THE VIRTUES OF THE VIRUS	25
GIORGIO AGAMBEN	CLARIFICATIONS	33
SERGIO BENVENUTO	FORGET ABOUT AGAMBEN	35
MASSIMO DE CAROLIS	THE THREAT OF CONTAGION	38
SHAJ MOHAN	WHAT CARRIES US ON	41
JEAN-LUC NANCY	A MUCH TOO HUMAN VIRUS	49
DUANE ROUSSELLE	THE TRUTH ABOUT CORONAVIRUS	53
MONIQUE LAURET	WHAT CAN WE LEARN FROM THE CHINESE COVID-19 CRISIS?	57

МИШЕЛЬ ФУКО
MICHEL FOUCAULT

Отрывок из книги «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» / Перевод с франц. В. Наумова под редакцией И. Борисовой. – «Ad Marginem», 1999.

FROM “DISCIPLINE AND PUNISH. THE BIRTH OF THE PRISON”

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/>

Ознакомимся с опубликованным в конце XVII века положением о мерах, принимаемых в том случае, когда городу угрожает эпидемия чумы.

Во-первых, строгое пространственное распределение: закрытие города и ближайших окрестностей, запрещение покидать город под страхом смерти, уничтожение всех бродячих животных; разделение города на отдельные четко очерченные кварталы, каждый из которых управляется интендантом¹. Каждая улица находится под контролем синдика²; покинув ее, он будет приговорен к смерти. В назначенный день всем приказывают запереться в домах и запрещают выходить под страхом смерти. Синдик собственноручно запирает дверь каждого дома снаружи, уносит ключи и передает их интенданту квартала, который хранит их до окончания карантина. Каждая семья должна запастись провизией. Однако для вина и хлеба между улицей и домами оборудуются деревянные желоба, по которым каждый человек получает свой рацион без малейшего контакта с поставщиками и другими горожанами. Мясо, рыба и пряности доставляются в дома в корзинах, переправляемых по канатам с помощью шкивов. Если выйти из дому совершенно необходимо, то выходят по очереди, дабы избежать встреч. По улицам ходят только

¹ Во Франции в XV–XVIII веков интендант – должностное лицо, ведавшее отдельной отраслью государственного управления: торговлей, финансами, полицией, недвижимостью и т. п.

² Синдик – старшина, член магистрата.

интенданты, синдики и часовые. Между зараженными домами от трупа к трупу бродят «вороны», чья смерть никого не волнует: «бедолаги, которые переносят больных, закапывают умерших, убирают улицы и выполняют много презренных и мерзких обязанностей». Разбитое на квадраты, неподвижное, застывшее пространство. Каждый индивид закреплен на своем месте. А если он уходит, то рискует лишиться жизни, заразиться или быть наказанным.

Непрерывное инспектирование. Неусыпный надзор повсюду: «многочисленное ополчение под командованием опытных офицеров и почтенных горожан», сторожевые посты у ворот, у ратуши и во всех кварталах, для того чтобы обеспечить немедленное повиновение людей и абсолютную власть магистратов, а «также для предотвращения любых беспорядков, краж и хищений». У всех городских ворот – наблюдательные посты, на углу каждой улицы – часовые. Ежедневно интендант приходит в порученный ему квартал, осведомляется, выполняют ли свои задачи синдики и не жалуются ли на них жители, «наблюдающие за их действиями». Ежедневно синдик проходит вверенную ему улицу, останавливается перед каждым домом: заставляет всех жителей предстать в окнах (те, чьи жилища смотрят во двор, специально прорубают окна на улицу, и в них должны появляться только они сами), вызывает каждого по имени и осве

домляется о состоянии здоровья – «жители обязаны отвечать правду под страхом смерти»; если кто-либо не появляется в окне, синдик обязан осведомиться о причинах: «Так он без особого труда выясняет, не укрывают ли умерших или больных». Каждый заперт в своей клетке, каждый у своего окна откликается на свое имя и показывается, когда этого требуют, – великий смотр живых и мертвых.

Надзор основывается на системе постоянной регистрации: синдики докладывают интендантам, интенданты – городским старшинам или мэру. С начала «закрытия» города составляется список всех находящихся в нем жителей. В него заносятся «фамилия, имя и пол (независимо от сословия)». Один экземпляр передается квартальному интенданту, второй – в канцелярию ратуши, по третьему синдик проводит ежедневную переключку. Все замеченное

во время обходов (смерти, болезни, жалобы, нарушения) записывается и докладывается интендантам и представителям власти. Последние полностью контролируют лечение и назначают ответственного врача. Никакой другой врач не имеет права лечить, никакой аптекарь не может изготавливать лекарства, никакой исповедник не смеет посетить больного, не получив письменного уведомления ответственного врача о необходимости «препятствовать сокрытию заразных больных и их лечению без ведома должностных лиц». Регистрация всякой патологии ведется постоянно и централизованно. Отношение каждого индивида к собственной болезни и смерти проходит через представителей власти, проводимую ими регистрацию, выносимые ими решения.

Через пять-шесть дней после начала карантина проводится поочередная дезинфекция домов. Всех обитателей заставляют выйти. В каждой комнате поднимают или подвешивают «мебель и утварь», комнату поливают ароматической жидкостью и, тщательно законопатив окна и двери и залив замочные скважины воском, поджигают ее. Пока она горит, дом остается запертым. При входе и выходе дезинфекторов обыскивают «в присутствии жителей, чтобы убедиться, что они ничего не принесли и не унесли». Четыре часа спустя жителям разрешают вернуться в дом.

Замкнутое, сегментированное пространство, где просматривается каждая точка, где индивиды водворены на четко определенные места, где каждое движение контролируется, где все события регистрируются, где непрерывно ведущаяся запись связывает центр с периферией, где власть действует безраздельно по неизменной иерархической модели, где каждый индивид постоянно локализован, где его изучают и относят к живым существам, больным или умершим, – все это образует компактную модель дисциплинарного механизма. Чуму встречают порядком. Порядок должен препятствовать возможному смешению, вызываемому болезнью, которая передается при смешении тел, или злом, возрастающим, когда страх и смерть сметают запреты. Порядок «отводит» каждому индивиду его место, его тело, болезнь и смерть, его благосостояние посредством вездесущей и всеведущей власти, которая равномерно и непрерывно подразделяется вплоть до конечного определения

индивида: того, что характеризует его, принадлежит ему, происходит с ним. Против чумы, которая есть смешение, дисциплина вводит в действие свою власть, власть анализа. Чума обросла литературным вымыслом, представляющим ее как празднество: приостановка законов, снятие запретов, безумства, смешение тел без различия, сбрасывание масок, забвение индивидами своей законной идентичности и облика, по которым их узнавали, возможность проявления истины совсем иного рода. Но есть также политический, прямо противоположный образ: чума – не общий праздник, а строгие границы; не нарушение законов, а проникновение правил даже в мельчайшие детали повседневной жизни посредством совершенной иерархии, обеспечивающей капиллярное функционирование власти; не надеваемые и сбрасываемые маски, а присвоение каждому индивиду его «истинного» имени, «истинного» места, «истинного» тела и «истинной» болезни. Чума как форма одновременно реального и воображаемого беспорядка имеет своим медицинским и политическим коррелятом дисциплину. За дисциплинарными механизмами можно увидеть неизгладимый след, оставленный в памяти «заразой»: чумой, бунтами, преступлениями, бродяжничеством, дезертирством, людьми, которые появляются и исчезают, живут и умирают без всякого порядка.

Если верно, что проказа породила ритуалы исключения, до некоторой степени предопределившие модель и общую форму Великого Заключения, то чума породила дисциплинарные схемы. Она вызывает не крупное бинарное разделение между двумя группами людей, а множественные подразделения, индивидуализирующие распределения, глубинную структуру надзора и контроля, интенсификацию и разветвление власти. Прокаженного вовлекают в практику отвержения и изгнания-отгораживания; он предоставляется собственной судьбе в массе, которую бесполезно дифференцировать. Те же, кто болен чумой, оказываются поглощенными детализированным тактическим подразделением, где индивидуальные различия суть ограничивающие следствия власти, которая умножает, артикулирует и подразделяет сама себя. Полное заключение – с одной стороны, выверенная муштра – с другой. Прокаженный – и его отделение; чума – и вместе с ней

подразделения. Изгнание прокаженного и домашний арест больного чумой – разные политические мечты. Первая – мечта о чистой общине, вторая – о дисциплинированном обществе. Два способа отправления власти над людьми, контроля над их отношениями, устранения опасных смещений. Пораженный чумой город, насквозь пронизанный иерархией, надзором, наблюдением, записью; город, обездвиженный расширившейся властью, которая в той или иной форме воздействует на все индивидуальные тела, – вот утопия совершенно управляемого города. Чума (по крайней мере, ее возможное распространение) – испытание, позволяющее умозрительно определить отправление дисциплинарной власти. Для того чтобы заставить права и законы функционировать в соответствии с чистой теорией, юристы представляли себя в естественном состоянии; для того чтобы увидеть действие совершенных дисциплин, правители воображали состояние чумы. В основании дисциплинарных схем лежит образ чумы, воплощающей все формы смещения и беспорядка, точно так же как в основании схем исключения – образ прокаженного, лишённого всяких человеческих контактов.

ДЖОРДЖО АГАМБЕН
GIORGIO AGAMBEN

ИЗОБРЕТЕНИЕ ЭПИДЕМИИ
THE INVENTION OF AN EPIDEMIC

(опубликовано на итальянском в Quodlibet,
<https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia>)
26/02/2020

Столкнувшись с маниакальными, иррациональными и совершенно необоснованными экстренными мерами, принятыми против предполагаемой эпидемии коронавируса, нужно начать с заявления, опубликованного Национальным исследовательским советом (CNR), в котором говорится не только о том, что «в Италии

нет эпидемии SARS-CoV2», но и о том, что «по эпидемиологическим данным, имеющимся на сегодняшний день на основании десятков тысяч случаев, в 80-90% случаев инфекция вызывает легкие/умеренные симптомы (что-то вроде гриппа). В 10-15% случаев может развиваться пневмония, но в большинстве случаев с доброкачественным исходом. Подсчитано, что только 4% пациентов нуждаются в интенсивной терапии».

Если это на самом деле так, почему же тогда средства массовой информации и власти делают все возможное для распространения состояния паники, провоцируя тем самым настоящее чрезвычайное положение с серьезными ограничениями на передвижение и приостановкой повседневной жизни во всех регионах?

Объяснить такое несоответствие ответной реакции могут помочь два фактора. Прежде всего, вновь проявляется тенденция использовать чрезвычайное положение в качестве нормальной парадигмы для правительства. Законодательный указ, незамедлительно утвержденный правительством «в целях гигиены и общественной безопасности», фактически устанавливает настоящую милитаризацию «муниципалитетов и районов, где есть хотя бы один человек с положительным результатом теста, и для которого источник передачи неизвестен, или где имеется хотя бы один случай, не относящийся к лицу, недавно вернувшемуся из района, уже зараженного вирусом». Такое расплывчатое и неопределенное определение позволит быстро распространить ситуацию чрезвычайного положения на все регионы, поскольку практически невозможно избежать появления подобных случаев в других местах. Давайте рассмотрим серьезные ограничения свободы, которые содержит указ: а) запрет на выезд любого лица из инфицированного муниципалитета или района; б) запрет на въезд любого лица в инфицированный муниципалитет или район; в) приостановка проведения мероприятий любого характера и любых форм собраний в общественных или частных местах, включая культурные, развлекательные, спортивные и религиозные мероприятия, в том числе в закрытых помещениях, если они открыты для публики; г) закрытие детских садов, служб по уходу за детьми и школ всех уровней, а также запрет на посещение мероприятий в рамках школ,

высших учебных заведений и профессиональных курсов, за исключением дистанционного обучения; д) закрытие для публики музеев и других культурных учреждений и помещений, перечисленных в статье 101 Кодекса культурного и ландшафтного наследия, в соответствии с Законодательным Декретом №. 42 от 22 января 2004 года. Все Положения о свободном доступе в эти учреждения и помещения также приостанавливаются; е) приостановка всех учебных поездок как по Италии, так и за рубеж; ж) приостановка всех процедур проведения государственной проверки и всей деятельности государственных учреждений, не ограничивая деятельность служб по предоставлению услуг первой необходимости и коммунальных услуг; з) обеспечение соблюдения карантинных мер и активное наблюдение за лицами, которые имели тесные контакты с подтвержденными случаями заражения.

Несоответствующая реакция на то, что, по мнению Национального исследовательского совета (CNR), является чем-то не слишком отличающимся от обычного гриппа, который мы переживаем каждый год, довольно вопиющая. Это похоже на то, как если бы терроризм был исчерпан в качестве основания для принятия чрезвычайных мер, а изобретение эпидемии послужило бы идеальным поводом для расширения их масштабов за рамки любых ограничений.

Другим не менее тревожным фактором является состояние страха, которое в последние годы явно распространилось среди отдельных людей и переходит в настоящую потребность в ситуациях коллективной паники, для которых эпидемия является идеальным предлогом. Поэтому в перверсивном замкнутом круге ограничения свободы, налагаемые правительствами, принимаются во имя желая безопасности, созданного теми же правительствами, которые сейчас вмешиваются, чтобы удовлетворить его.

Перевод с английского: Наталья Суполкина

ЖАН-ЛЮК НАНСИ
JEAN-LUC NANCY

ВИРУСНАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ
VIRAL EXCEPTION

(опубликовано на итальянском в Quodlibet,
<https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia>)

27/02/2020

Дружище Джорджо Агамбен утверждает, что коронавирус почти не отличается от обычного гриппа. Он забывает, что от «нормального» гриппа есть вакцина, которая доказала свою эффективность. Но даже ее нужно адаптировать к вирусным мутациям из года в год. Несмотря на это, «нормальный» грипп всегда убивает нескольких человек, в то время как коронавирус, против которого нет вакцины, очевидно, способен вызвать гораздо более высокий уровень смертности. Разница (согласно тем же источникам, которые использует Агамбен) составляет приблизительно 1 к 30: мне это не кажется незначительной разницей.

Джорджо заявляет, что правительства используют всевозможные предлоги, чтобы непрерывно устанавливать чрезвычайное положение. Но он не отмечает того факта, что чрезвычайная ситуация действительно становится правилом в мире, где технические взаимосвязи всех видов (передвижение, перемещения любого типа, пропитка или распространение разных веществ и т.д.) достигают доселе неизвестной интенсивности, которая растет теми же темпами, что и население. Даже в богатых странах такое увеличение численности населения влечет за собой увеличение продолжительности жизни, следовательно, увеличение числа пожилых людей и, в целом людей, находящихся в группе риска.

Нам следует быть осторожными, чтобы не промахнуться: под вопросом целая цивилизация, в этом нет никаких сомнений. Существует своего рода вирусная чрезвычайная ситуация – биологическая, компьютерная, культурная – и это пандемия. Правительства – это не что иное, как мрачные палачи, и срываться на

них – больше похоже на отвлекающий маневр, чем на политическое размышление.

Я упоминал, что Джорджо – давний друг. И я прошу прощения за то, что поднял вопрос личных воспоминаний, но я не отказываюсь от общих размышлений, делая это. Почти тридцать лет назад врачи решили, что мне нужна пересадка сердца. Джорджо был одним из немногих, кто посоветовал мне не слушать их. Если бы я последовал его совету, я бы, вероятно, довольно скоро умер. Можно ошибаться. И, тем не менее, Джорджо является человеком такой утонченности и доброты, что его без малейшей тени иронии можно назвать уникальным, исключительным, необыкновенным.

Перевод с английского: Наталья Суполкина

РОБЕРТО ЭСПОЗИТО
ROBERTO ESPOSITO

ИСЦЕЛЕННЫЙ ДО ПОБЕДНОГО КОНЦА
CURED TO THE BITTER END

(опубликовано на итальянском в журнале «Antinomie»,
<https://antinomie.it/index.php/2020/02/28/curati-a-oltranza/>)

28/02/2020

В тексте Нанси я нахожу все черты, которые всегда характеризовали его – в частности, интеллектуальное благородство, которое я лично ощутил на себе в прошлом, черпая огромное вдохновение из его размышлений, особенно в моей работе, посвященной вопросу сообществ. В какой-то момент наш диалог прервался из-за резкой оппозиции Нанси к парадигме биополитики, которой он всегда противопоставлял, как и в этом тексте, актуальность технологического аппарата – как будто бы эти две вещи неизбежно противоречат друг другу. Хотя на самом деле даже сам термин «вирусный» указывает на биополитическую контаминацию между различными языками (политическим, социальным,

медицинским и технологическим), объединенными одним и тем же иммунным синдромом, воспринимаемым как полярность, семантически противоположная лексикону *communitas* (сообщества). Хотя сам Деррида широко использовал категорию иммунизации, на отказ Нанси столкнуться с парадигмой биополитики, вероятно, повлияла дистония в отношении Фуко, которую он унаследовал от Дерриды. В любом случае речь идет о трех важнейших философах современности.

Остается фактом, что любой, у кого есть глаза, не может отрицать постоянного развертывания биополитики. От вмешательства биотехнологии в области, которые когда-то считались исключительно естественными, такие как рождение и смерть, до биотерроризма, управления иммиграцией и более или менее серьезных эпидемий, все политические конфликты сегодня имеют в своей основе связь между политикой и биологической жизнью. Но эта ссылка на Фуко сама по себе должна привести нас к тому, чтобы не упускать из виду исторически дифференцированный характер биополитических явлений. Одно дело – утверждать, подобно Фуко, что в последние два с половиной столетия политика и биология постепенно сформировали как никогда крепкий узел с проблематичными, а иногда и трагическими результатами. Другое – ассимилировать несравнимые инциденты и опыт. Я бы лично не стал проводить какое-либо сравнение между тюрьмой строгого режима и двухнедельным карантином в долине реки По. С юридической точки зрения, конечно, установление чрезвычайного положения, издавна применяемое даже в таких случаях, когда это не является абсолютно необходимым, подталкивает политику к процедурам особой ситуации, что со временем в конечном итоге может подорвать соотношение сил в пользу исполнительной власти. Но говорить о рисках для демократии в этом случае мне кажется, мягко говоря, преувеличением. Я думаю, что мы должны попытаться разделить уровни и различать длительные процессы и последние события. Что касается первого, то политика и медицина были взаимосвязаны между собой как минимум три столетия, что в конечном итоге изменило обе эти сферы. С одной стороны, это привело к процессу медиализации политики, которая, казалось бы, не обремененная

какими-либо идеологическими ограничениями, показывает себя все более и более посвященной «излечению» своих граждан от рисков, за которые она часто несет ответственность. С другой стороны, мы являемся свидетелями политизации медицины, наделенной задачами социального контроля, которые к ней не относятся, что объясняет крайне неоднородные оценки, которые делают вирусологи о природе и серьезности коронавируса. Обе эти тенденции деформируют политику по сравнению с ее классическим форматом. Это происходит также потому, что её цели больше не охватывают отдельных лиц или социальные классы, а целые сегменты населения, дифференцированные по состоянию здоровья, возрасту, полу или даже по этническим группам.

Но опять же, что касается исключительно законных интересов, нужно не терять чувство меры. Мне кажется, что то, что происходит сегодня в Италии с хаотичным и довольно гротескным совмещением национальных и региональных прерогатив, носит скорее характер распада, развала государственной власти, нежели драматического тоталитарного контроля.

Перевод с английского: Наталья Суполкина

ОТВЕТ ЖАН-ЛЮКА НАНСИ РОБЕРТО ЭСПОЗИТО (ПО ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЕ СЕРДЖИО БЕНВЕНУТО):

RIPOSTE BY JEAN-LUC NANCY TO ROBERTO ESPOSITO (THROUGH EMAIL TO SERGIO BENVENUTO):

«Дорогой Роберто, ни «биология», ни «политика» на сегодня не являются точно определенными терминами. Я бы сказал даже наоборот. Вот почему мне не нужен их монтаж, комплектация.

С наилучшими пожеланиями, Жан-Люк»

СЕРДЖИО БЕНВЕНУТО SERGIO BENVENUTO

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ИЗОЛЯЦИЮ WELCOME TO SECLUSION

(опубликовано на итальянском в журнале «Antinomie»,
<https://antinomie.it/index.php/2020/03/05/benvenuto-in-clausura/>)
02/03/2020

Я не являюсь ни вирусологом, ни эпидемиологом, но у меня возникла мысль о том, что, хотя мне уже за семьдесят, а значит, я нахожусь в группе самых уязвимых, у меня нет причин переживать за свое здоровье и бояться коронавируса. «У меня» – по простым причинам вероятности. Например, когда я лечу в самолете, он может разбиться, но это крайне маловероятно. На самом деле, на данный момент только около 3000³ человек по всему миру погибли в результате вируса. Практически ничто по сравнению с 80 000 погибших от обычного гриппа в 2019 году. Тех, кто умер в Италии от эпидемии (более 50 на момент написания⁴), вероятно, меньше, чем погибших в автомобильных авариях плюс погибших рабочих. Короче говоря, я не очень боюсь заразиться, но меня больше беспокоит экономическая негативная реакция такой страны, как моя, которая с 1990-х годов находится в состоянии упадка и это состояние ухудшается. Ведь бедность тоже убивает.

Но я также знаю, что мое относительное пренебрежение, хотя и обоснованно рационально, является предосудительным, с гражданской точки зрения: будь я хорошим гражданином, я бы вел себя так, как будто я охвачен паникой. Поскольку все, что делается в Италии (закрытие школ, стадионов, музеев, театров и т. д.), имеет чисто профилактическую функцию, это лишь замедляет

³ Показатель увеличился до 3652 человек. На данный момент (8 марта 2020 года) зарегистрировано 107 000 случаев заболевания и 61 000 случаев выздоровления [уточненная информация редакции]

⁴ Число погибших в Италии возросло до 250 (на 8 марта 2020 года) [уточненная информация редакции]

распространение вируса. Он играет с большим количеством, но обращается к каждому конкретному существу.

Паника, охватившая Италию (и не только Италию, во всем мире люди не говорят ни о чем другом), была в основном политическим выбором – или биополитическим, как подчеркивает Роберто Эспозито, – установленным в первую очередь Всемирной организацией здравоохранения. Потому что сегодня, в эпоху, когда огромные демократии производят гротескных руководителей, именно крупные наднациональные организации, такие как ВОЗ, а также Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, Европейский центральный банк, другие центральные банки (к счастью) принимают реальные решения, тем самым частично исправляя неофашистские прихоти и капризы современных демократий. Тедрос Аданом, эфиоп, являющийся Генеральным директором ВОЗ, четко и ясно заявил о необходимости профилактики: он знает, что на текущий момент Covid-19 не ведет к катастрофическим бедствиям, и что, возможно, в конечном итоге это может оказаться не чем иным, как коварным гриппом. Но это может также превратиться в то, во что в 1918 году превратился так называемый «испанский» грипп: треть населения планеты была инфицирована «испанкой», в результате чего погибло от 20 до 50 миллионов человек – больше жертв, чем все потери во время Первой мировой войны. Другими словами, то, что действительно пугает, это не то, что мы знаем, а то, чего мы не знаем о вирусе, а мы очень мало знаем о нем. Мы узнаем о нем изо дня в день, и это порождает тревогу – отнюдь не иррациональную – перед лицом неизвестности.

Обратите внимание, что в случае с «испанским» гриппом политическая власть действовала совершенно противоположно тому, как это происходит сегодня: она скрывала эпидемию, потому что в большинстве случаев вовлеченные страны находились в состоянии войны. Его назвали «испанским» гриппом просто потому, что в то время только в Испании, которая не воевала, средства массовой информации говорили об этом (но скорее всего грипп возник в Соединенных Штатах). Сегодня политическая власть (которая, я еще раз подчеркиваю, является все более и более наднациональной и в экономике) выбрала стратегию паники, чтобы побудить людей

изолировать вирус. И действительно, изоляция зараженных все еще остается, спустя столетия, лучшей стратегией подавления неизлечимых эпидемий. Проказа была остановлена в Европе, как подчеркивает Фуко, именно за счет максимальной изоляции прокаженных, которых часто отправляли на далекие острова, такие как Молокаи на Гавайях, где снимались различные фильмы.

В августе 2011 года я был в Нью-Йорке, когда на него вот-вот готов был обрушиться ураган Ирэн, уже опустошивший до этого Антильские острова. Меня поразило то, как эксперты и политики в средствах массовой информации передавали гражданам сообщения откровенно катастрофического характера: «Это будет полная катастрофа (это был рефрен), потому что жителям Нью-Йорка наплевать, они снобы». Но оказалось, что они неукоснительно следовали инструкциям (даже я покинул свой сад, соблюдая правила), а Ирэн прошелся по Нью-Йорку, не причинив никакого ущерба. Выходит, эти эксперты и политики все неправильно поняли? Или они немного повеселились, напугав жителей Нью-Йорка? Нет, катастрофы удалось избежать. В некоторых случаях внушение страха может быть разумнее, чем восприятие вещей «философски».

Давайте представим, что Италия в целом – от СМИ до правительственных чиновников – выбрала «испанскую» стратегию, решив не предпринимать никаких мер предосторожности и позволив Covid-19 распространиться по всей стране, подобно обычному гриппу. Любая другая страна, в том числе и другие европейские государства, немедленно изолировала бы Италию, считая всю страну рассадником, очагом: что могло бы причинить гораздо больший экономический ущерб, нежели тот значительный урон, который сейчас терпит Италия. Когда другие напуганы – например, израильтяне и катарцы, которые запретили итальянцам въезд в свои страны, – нам тоже лучше бояться. Иногда бояться – это проявление смелости.

Давайте представим, что 20 миллионов итальянцев, которым позволили свободно перемещаться, заразились вирусом: если правда то, что показывают самые первые подсчеты, что COVID-19 смертельно опасен для 2% инфицированных, это привело бы к гибели около 400 000 итальянцев, в основном пожилых граждан. Гипотеза,

которую многие не считают полностью негативной, потому что она позволила бы вздохнуть нашей системе пенсионного обеспечения: почему бы не избавиться, не сократить немного количество старичков в стране, которая стареет с каждой минутой? – думают они, не произнося этого вслух. Но я не думаю, что общественное мнение приняло бы 400 000 смертей. Оппозиционеры бы восстали, правительство было бы свергнуто под всеобщее одобрение, а лидер ультраправых Сальвини победил бы на выборах, набрав не менее 60% голосов избирателей. Короче говоря, меры предосторожности, которые были приняты, какими бы болезненными они ни были, особенно из-за экономического ущерба, являются меньшим злом.

Поэтому меры, принятые в Италии, не являются, как утверждает один из моих любимых философов Джорджо Агамбен, результатом деспотического порыва правящих классов, которые инстинктивно увлечены «чрезвычайным положением». Мысль о том, что меры, принятые в Китае, Южной Корее, Италии и других странах являются следствием заговора, означает попадание в категорию того, что другие философы называли «теориями заговора в истории». Я бы назвал их паранойяльными интерпретациями истории, подобно миллионам, которые считают, что 11 сентября было заговором ЦРУ. Моя домработница, очень добродушная женщина, убеждена, что эпидемия была спланирована «арабами», под которыми, я полагаю, она имеет в виду мусульман. Независимо от того, повлияла ли на нас наша маленькая парафия или Карл Шмитт, являемся ли мы невежественными или в высшей степени просвещенными, многим из нас необходимо придумать, создать собственных распространителей чумы.

Я часто удивляюсь, как часто многим философам нужно напоминать о том, что, перефразируя Гамлета, звучит так: на небесах и на земле столько политики, что и не снилось вашим мудрецам.

Когда я говорю, что убежден в том, что эта эпидемия приведет к гораздо более серьезным экономическим катастрофам (кризис, как в 2008 году?), чем к медицинским, я рассуждаю с оптимистической точки зрения, которая может быть опровергнута в ближайшие дни.

И с завтрашнего дня я тоже, хоть и немного посмеиваясь, постараюсь стать хорошим гражданином. Я буду избегать определенных общественных мест, не буду пожимать руки людям, которых встречу. Я живу в Риме, и я не буду навещать друзей на Севере, и буду отговаривать их от приезда ко мне⁵.

В сущности, последствия этой эпидемии усилят тенденцию, которая в любом случае возобладала бы, и в рамках которой «работа удаленно» или работа из дома и уход от офиса – это лишь один аспект. Мы все реже будем просыпаться по утрам и садиться в общественный или частный транспорт, чтобы добраться до места работы; все больше и больше мы будем работать на своих компьютерах в своих домах, которые также станут нашими офисами. А благодаря революционным изменениям от Amazon и Netflix нам больше не нужно будет выходить за покупками или в кинотеатр, чтобы посмотреть фильм, или покупать книги в книжных магазинах: магазины и книжные магазины (увы) исчезнут, и все будет делаться из дома. Жизнь станет «собранной в пучок» или «одомашненной» (нам уже нужно придумывать неологизмы). Школы тоже исчезнут: с помощью таких устройств, как Skype, учащиеся смогут посещать уроки своих учителей из дома. Это общая изоляция, вызванная эпидемией (вернее, попытками ее предотвратить), станет нашим привычным образом жизни.

Перевод с английского: Наталья Суполкина

⁵ Резолюция, устаревшая по сравнению с постановлением правительства, фактически изолирующего часть Северной Италии (на 8 марта 2020 года) [уточненная информация редакции]

ДИВЬЯ ДВИВЕДИ И ШАЙ МОХАН
DIVYA DWIVEDI AND SHAJ MOHAN

**СООБЩЕСТВО ПОКИНУТЫХ: ОТВЕТ АГАМБЕНУ И
НАНСИ**
**THE COMMUNITY OF THE FORSAKEN: A RESPONSE TO
AGAMBEN AND NANCY**

(в сотрудничестве с журналом “Antinomie”, <https://antinomie.it/>)
08/03/2020

Испокон веков Индия была полна уникальных, необычных, исключительных народов, что лишает смысла понятие «чрезвычайное (исключительное) положение» или «его распространение». Брахманы исключительны, поскольку только они могут управлять ритуалами по соблюдению общественного порядка, и к ним не могут прикасаться народы низшей касты, опасаясь ритуального осквернения. В наше время в некоторых случаях для них предполагаются отдельные общественные туалеты. К далитам, низшим кастам, тоже не могут прикасаться высшие касты, потому что они считаются наиболее «оскверняющими». Как мы видим, исключительность брахмана не похожа на исключительность далита. Арендт превратила одну из каст далитов под названием «Парии» в «парадигму», что, как ни печально, осветило их настоящие страдания. В 1896 году, когда бубонная чума вошла в Бомбей, британская колониальная администрация попыталась бороться с распространением болезни с помощью Закона об эпидемических заболеваниях 1897 года. Однако кастовые барьеры, включая требование высших каст предоставить им отдельные больницы и их отказ от получения медицинской помощи от медицинского персонала низшей касты, усугубили ситуацию и привели к гибели более десяти миллионов человек в Индии.

Распространение коронавируса⁶, инфицировавшего, по официальным данным, более 100 000 человек, раскрывает то, о чем

⁶ По совпадению, название вируса означает «корона» – метонимия суверенности, верховной власти.

мы задаемся вопросом сегодня: стоит ли нас спасать, и какой ценой? С одной стороны, существуют теории заговора, которые включают «биологическое оружие» и глобальный проект по сокращению миграции. С другой стороны, существуют тревожные и неприятные недоразумения, в том числе убеждение, что COVID-19 – это нечто, распространяющееся через «пиво торгового тренда Corona», а также расистские комментарии в адрес китайского народа. Но еще большую озабоченность вызывает то, что, при этом стечении обстоятельств, в момент смерти бога и рождения механического бога, мы упорно продолжаем катастрофу в отношении «ценности» человека. Это можно увидеть в реакции на климатические потрясения, технологическое «изобилие» и коронавирус.

Раньше человек обретал свою ценность с помощью различных тео-технологий. Например, можно представить, что создатель и создание были определениями чего-то предшествующего, скажем, «бытия», где первый был бесконечным, а второе – конечным. При таком разделении можно представить бога как бесконечного человека, а человека – как конечного бога. Во имя бесконечного человека конечные боги сами себя ликвидировали. Сегодня мы доверяем машине определение конечных целей, чтобы ее область можно было назвать техно-теологией.

Именно при таком особом стечении обстоятельств необходимо рассматривать недавнее замечание Джорджо Агамбена о том, что меры по ограничению распространения COVID-19 используются в качестве «исключения, чрезвычайной ситуации», чтобы позволить исключительное расширение границ правительственных полномочий, накладывающих чрезвычайные ограничения на наши свободы. То есть меры, принятые большинством государств и со значительной задержкой для предотвращения распространения вируса, который потенциально может уничтожить, по меньшей мере, один процент населения планеты, могли бы осуществить следующий уровень «исключения». Агамбен просит нас сделать выбор между «исключительным, чрезвычайным» и регулярным, обычным, в то

время как его заботит регуляризация исключения⁷. Жан-Люк Нанси ответил на это возражение, отметив, что сегодня существуют только исключения, то есть все, что мы когда-то считали обычным и регулярным, разбилось⁸. Делёз в своей последней работе говорит о том, что в конце всех игр закономерностей и исключений призывает нас как «жизнь»⁹, то есть человека захватывает ответственность, когда он сталкивается с жизнью, которая захвачена смертью. Смерть и ответственность идут вместе.

Тогда давайте обратим внимание на не-исключительность исключений. До конца 1800-х годов беременные женщины, попавшие в больницы, как правило, умирали в большом количестве после родов по причине послеродовой лихорадки или послеродовых инфекций. В какой-то момент австрийский врач по имени Игнац Земмельвейс понял, что это происходит потому, что руки медиков переносили патогены от одного вскрытия к следующему пациенту или от утробы одной женщины к другой, вызывая инфекции и смерть. Решение, предложенное Земмельвейсом, заключалось в том, чтобы мыть руки после каждого контакта. За это к нему относились как к исключению, и он был подвергнут остракизму со стороны медицинского сообщества. Он умер в психиатрической больнице от сепсиса, который, возможно, стал результатом избиения охранниками. Действительно, существуют бесконечные смыслы исключений. В случае с Земмельвейсом сама методика борьбы с инфекцией была исключением. В трактате «Политика» Аристотель обсуждал случай исключительного человека, который мог петь лучше, чем целый хор, и который подвергся остракизму за то, что он был богом среди людей.

Не существует одной парадигмы исключения. Развитие одной микробной патологии отличается от развития другой. Например, стафилококки живут в организме человека, не причиняя никаких

⁷ Что, конечно, с 2001 года воспринимается большинством правительств как не-выбор с целью секьюритизации всех социальных отношений во имя терроризма. В этих случаях заметна тенденция к тому, что секьюритизация государства пропорциональна корпоративизации практически всех государственных функций.

⁸ См. Jean-Luc Nancy, *L'Intrus* (Paris: Galilée, 2000).

⁹ См. Gilles Deleuze, "L'immanence: une vie", in *Philosophie* 47 (1995).

проблем, хотя и вызывают инфекции, когда реакция нашей иммунной системы является «чрезмерной». Если говорить об исключительных непатологических отношениях, хлоропласты в клетках растений и митохондрии в клетках нашего тела являются древними, устоявшимися сожительствами между различными видами. Кроме всего прочего, вирусы и бактерии не «намерены» убивать своего хозяина, поскольку не всегда в их «интересах»¹⁰ уничтожать то, исключительно благодаря чему они могли бы выжить. Со временем – за миллионы лет существования вселенной – «все учатся жить друг с другом» или, по крайней мере, достигают сбалансированности друг с другом на долгое время. Это биологический смысл темпоральности природы.

В последние годы, отчасти из-за практики ведения сельского хозяйства, микроорганизмы, которые раньше жили отдельно, объединились и начали обмениваться генетическим материалом, иногда просто фрагментами ДНК и РНК. Когда эти организмы совершали «прыжок» к человеку, для нас иногда начинались катастрофы. Наши иммунные системы считают этих новичков шокирующими, а потому переоценивают свои ресурсы, вызывая воспаления и лихорадки, которые часто убивают и нас, и микроорганизмы. Этимологически «вирус»¹¹ связан с ядом. Это яд в том смысле, что к тому времени, когда некий новый вирус «договорится» с человеческим животным, нас уже давно не будет. То есть все можно представить по образцу «фармакона» (как яд, так и лекарство), если воспользоваться временными рамками природы. Однако различие между лекарством и ядом в большинстве случаев относится к временным рамкам человека, необычного животного. То, что называется «биополитикой», основывается на предположении о темпоральности природы и тем самым игнорирует то, что является катастрофой, с точки зрения нашего интереса в «жизни» (нашей

¹⁰ Нелепо приписывать интерес микроорганизму, и разъяснения могли бы занять гораздо больше места, чем позволяет эта статья. В то же время сегодня невозможно определить «интерес человека».

¹¹ Следует отметить, что «вирусы» существуют на критической грани между живым и неживым.

ответственности за жизнь), то есть жизнь каждого, кому грозит смерть от заражения вирусом.

В этом кроется суть проблемы: мы смогли определить «интересы» нашей иммунной системы, составив исключения в природе, в том числе с помощью метода мытья рук Земмельвейса и вакцинации. У нашего вида животных нет в распоряжении биологических эпох, чтобы усовершенствовать каждое вмешательство. Следовательно, мы, как и природа, совершаем ошибки кодирования и мутации в природе, реагируя на каждое чрезвычайное обстоятельство всеми возможными способами. Как отметил Нанси, Софокл в своей оде человеку с самого начала говорил о человеке, как о создателе технических исключений, который сам себе непонятен и необъясним. Соответственно, в отличие от временных рамок природы, людей больше касается данный момент, который должен привести к следующему моменту с ощущением того, что нас покинули, бросили, о нас забыли: те, кто обречен спросить о «причине» своего бытия, но не может спросить об этом. Или, как называл это Нанси в личной переписке, «покинутые, забытые ничем». Сила этой «покинутости» не похожа на заброшенность, обусловленную отсутствием определенных вещей по отношению друг к другу. Эта покинутость требует, как мы обнаружили у Делёза, чтобы мы заботились о каждой жизни как о драгоценной, зная при этом, что в сообществах покинутых мы можем испытать зов покинутой жизни, о которой только мы можем позаботиться. В другом источнике мы назвали «воскрешением» опыт этого зова покинутого и возможного возникновения его сообщества из метафизики и гипофизики¹².

Перевод с английского: Наталья Суполкина

¹² Shaj Mohan and Divya Dwivedi, *Gandhi and Philosophy: On Theological Anti-Politics*, foreword by Jean-Luc Nancy (London: Bloomsbury Academic, 2019).

РОККО РОНЧИ
ROSSO RONCHI

ДОСТОИНСТВА ВИРУСА
THE VIRTUES OF THE VIRUS

14/03/2020

Трудно устоять перед соблазном аналогии при попытке осмыслить масштабы пандемического события. В размышлениях, сопровождающих его неконтролируемое распространение, Covid-19 превратился в своего рода обобщенную метафору, почти символический осадок состояния человека в эпоху постмодернизма. Сегодня повторяется то, что произошло сорок лет назад с ВИЧ. Пандемия выглядит как своего рода *experimentum crucis*¹³, способный проверить гипотезы, которые проходят свой путь от политики к последствиям глобализации, к преобразованию процесса коммуникации в эпоху интернета – достижению высот лучших метафизических размышлений. Изоляция, недоверие и подозрительность, вызываемые вирусом, делают его поочередно «популистским» и «суверенным». Чрезвычайные меры, которые он заставляет нас принимать, как-бы универсализируют «чрезвычайное положение», унаследованное настоящим от политической теологии двадцатого века, подтверждая мысль Фуко о том, что современная суверенная власть является биополитической (власть, которая выражается в производстве, управлении и администрировании «жизни»). Кроме того, из-за неоспоримой безликости и анонимности, характерной для него, вирус, похоже, обладает тем же нематериальным качеством, которое обосновывает господство финансового капитализма. По причине того, насколько он заразен, его легко можно сравнить с предрефлексивной и «вирусной»

¹³ *Experimentum crucis* (решающий опыт; буквально «проба крестом» как метафора средневекового ритуала обнаружения нечистой силы; иногда также говорят «критический эксперимент») – эксперимент, исход которого однозначно определяет, является ли конкретная теория или гипотеза верной. Этот эксперимент должен дать предсказанный результат, который не может быть выведен из других, общепринятых гипотез и теорий.

природой онлайн-общения. И последнее, но не менее важное: вирус демонстрирует наше извечное человеческое состояние. Если мы вдруг забыли, что смертны, имеем свой предел, зависимы от других факторов, испытываем нехватку, онтологическое желание и т. д., вирус здесь, чтобы напомнить нам об этом, вынуждая нас медитировать и исправлять свою забывчивость и отвлеченность компульсивных потребителей. Эти соображения законны. Они, по сути, вполне оправданы. Впрочем, это также их недостаток. Если они имеют смысл, то именно потому, что сводят неизвестное к известному. Они используют вирус как интуитивное доказательство, которое отзывается (если говорить феноменологически) на теоретическое ожидание. Если критически проанализировать информацию о вирусе, Covid-19 – это скорее название научно-фантастического фильма, используемого для подтверждения предыдущих знаний.

Однако, если правда, что вирус отображает характеристику события (это было бы трудно отрицать), то он также должен обладать своей «добродетелью». События являются таковыми не потому, что они «случаются» или, по крайней мере, не только из-за этого. События не являются «фактами». В отличие от простых фактов, события обладают «добродетелью», силой, свойством, энергией, то есть они что-то делают. По этой причине событие всегда является травмирующим до такой степени, что можно сказать, что если нет травмы, то нет и события, другими словами, если нет травмы, то ничего буквально и не произошло. Что именно делают события? События производят преобразования, которые до их появления были вообще невозможны. На самом деле они начинаются только «после» того, как событие произошло. Короче говоря, событие является таковым, потому что оно генерирует «реальную» возможность. Следует помнить о том, что в данном случае «возможный» означает просто выполнимый. Возможность означает способность что-то сделать. Возможность не является чем-то абстрактным, это не свободное воображение других миров, которые лучше, чем этот. Оставаясь на прагматическом уровне, не предаваясь метафизике, возможность – это всего лишь «потенция, сила», а сила – не что иное, как действие, решительная деятельность. «Достоинство,

добродетель» события таким образом заключается в том, чтобы сделать возможными оперативные методы, методы, которые «до этого» были просто невозможны, немислимы. Отсюда следует, что событие можно рассматривать, только начиная с будущего, которое оно генерирует (а не из прошлого), потому что своей возможностью оно преобразует, оно создает то, что является реальным. Поэтому есть здравый смысл в том, когда событие рассматривается как «возможность» «создать добродетель из нужды».

Мы расположены слишком близко к событию Covid-19, чтобы суметь мельком увидеть будущее, которое оно несет, наш страх – человеческий, и это делает нас ненадежными свидетелями. Однако некоторые признаки смещения в парадигме, которую порождает этот вирус, уже видны, и они демонстрируют неожиданный смысл. Наиболее поразительным, вероятно, является внезапное исчезновение идеологии, связанной со «стенами». Вирус появился в то время, когда планета, казалось бы, пришла к общему мнению, что единственным ответом на «угрозы», создаваемые глобализацией, является переопределение охраняемых границ и четкой идентичности. Популизм ненавидит книги, но догматически верит в первенство «культуры», понимаемой в антропологическом смысле. Тип сообщества, которое он пропагандирует, является, по сути, историческим, романтическим и традиционным. Это сообщество локально по определению, его заклятый враг – холодная абстракция космополитизма. Что еще более чуждо в глазах популизма, так это природа, которая является не чем иным, как ресурсом, который можно использовать для благополучия сообщества (достаточно лишь вспомнить о Болсонару и вырубке лесов на Амазонке, о Трампе и его безразличии по поводу глобального потепления, о ненависти Сальвини к Грете ...). Популисты никогда не ставят под сомнение мысль о том, что человечество «исключительно». Наоборот, это символ веры, догмат. Я мог бы добавить, что если популист целует крест, то это потому, что этот акт теологически подтверждает эту исключительность. В считанные дни и с невероятной скоростью вирус заставил нас всех, вольно или невольно, взять на себя – путем повседневных действий (мыть руки...) – участь мирового сообщества и, более того, участь сообщества человека с природой. Медленное и

почти всегда неэффективное действие образования не преодолело наших культурологических и антропоцентрических предрассудков: было достаточно просто кашля, чтобы внезапно стало невозможно избежать ответственности, которую каждый человек несет перед всеми живыми существами за простой факт (все еще...) быть частью этого мира, и желание быть его частью...

Посредством объективной силы травмы вирус показывает, что целое всегда подразумевает часть, что «все существует, в определенном смысле, во всем», и что в природе нет автономных областей, которые составляют исключение. В природе нет «государства в государстве», как писал Спиноза, высмеивая притязания «духа» на превосходство над «материей». Монизм вируса дикий, а его имманентность беспощадна. Если культура десолидаризируется, если она возводит барьеры и создает жанры и категории, если она определяет градации участия в понятии человечества, отслеживая ужасные границы между «нами» и «варварами», вирус объединяет нас и вынуждает искать общие решения. В такое время никто даже не думает, что можно спасти себя самостоятельно, или что это можно сделать, не вовлекая природу в этот процесс. Говорят, что эпидемия ведет к созданию красных зон, внутренней изоляции, милитаризации территорий. Это действительно так. Однако здесь стена имеет совершенно другое значение по сравнению со стенами, которые строят богатые, чтобы держаться подальше от бедных. Стена возводится для другого, кем бы он ни был. В такие времена «сосед» радикально сводится к измерению «любого». Стена, во всех ее формах и проявлениях, включая один метр, разделяющий людей, стоящих на линиях, возводится для замены рукопожатий, которые теперь невозможны с этим «любимым». Это средство общения, а не знак исключения. Это подтверждается тем фактом, что фашистская риторика не смогла приспособить эти стены и использовать их, чтобы сказать, насколько они были правы по поводу своих предложений о сегрегации. Перед лицом огромной мощи этого вируса фашистам пришлось бы, хотя бы ненадолго, спрятать своё самое эффективное оружие.

Мы находимся слишком близко к этому событию, чтобы суметь оценить влияние, которое оно окажет на политическую сферу.

Однако следует отметить один факт. Вирус, похоже, восстанавливает первенство, которое когда-то принадлежало политике. Классическая мысль использовала метафору, чтобы передать это первенство: образ лоцмана корабля, плывущего по бурным морям. Мыслители прошлого были реалистами, они знали, что нет безопасных гаваней, в которые можно было бы войти и закончить свой путь. Навигация, по их словам, необходима, а жизнь нет. «Элемент», омывающий политическое, – это своего рода природа, в которой фортуна, шанс и риск играют неустранимую роль. Политическая «добродетель», по сути, заключалась в проверке силы этого элемента, управляя им с помощью хитрого разума (*mētis*) и стойкости. Политическое является таковым именно потому, что оно отвергает «человеческую, слишком человеческую» иллюзию о том, что можно присвоить себе силу природных элементов, иллюзию, которая, напротив, представляет собой метафизическую мечту о «современном» человечестве, задумавшем отношения с природой как войну духа против грубой материи. Политическое первенство означает управление природой, а не доминирование над ней. Кроме того, чтобы чётко обозначить абсолютно «политическую» природу этого управления, нужно вспомнить формулу, столь важную для Платона: *kata dynamin* – насколько это возможно для человека. Несомненно, именно гипотеза господства, верховенства высмеяна кашлем в Ухане, кашлем, который заставляет применять прагматический ум лоцмана корабля для управления, насколько это возможно, спонтанностью процесса, разворачивающегося против наших намерений. Covid-19 также обладает этой добродетелью: он приказывает политике взять на себя особую ответственность, он возвращает первенство, которое политика бредово уступила другим суверенным сферам, подчинившись им, заявив о своем собственном бессилии и ограничив себя исключительно технической ролью. Следуя примеру Уханя, план действий может устанавливаться только политикой, которая должна ориентироваться в бурных морях прогрессирующей и, похоже, неудержимой инфекции (и действительно, греки описывали политическую добродетель как «*kubernetes*», то есть навигационную). Действительно, то, что еще несколько недель назад казалось нереальным заявлением, теперь

стало девизом, лозунгом. У политики должен быть приоритет над экономикой. Именно последняя должна уступать нуждам и требованиям Суверена, который заботится о судьбе своего экипажа, своей команды.

И последнее: вирус предлагает нам серьезно задуматься. Однако я не думаю, что целью этого размышления является случайность, непредвиденность бытия и ненадежный, шаткий характер человеческих отношений. Конечно же, нам не нужен Covid-19, чтобы задуматься о нашей хрупкости и недолговечности. Эта тревога на самом деле никогда не исчезала (несмотря на то, что продолжают говорить журналисты в своих студиях, когда разглагольствуют о том, как благодаря вирусу человечество, которое средства массовой информации, а значит они сами, сделало глупым, «заново открыло» для себя свою онтологическую незащищенность). Вирус скорее артикулирует существование, наше и существование других, как «судьбу». Мы вдруг чувствуем, что нас тянет за собой нечто всепоглощающее и непреодолимое, что тихо растет в наших органах, игнорируя нашу волю. Так ли уж сильно нарушена свобода? Эта идея свободы, безусловно, ничем не примечательна, если она вступает в противоречие с неизбежностью происходящего. Среди достоинств вируса следует также упомянуть его способность генерировать более трезвое представление о свободе: свобода, полученная путем того, что мы делаем что-то с тем, что с нами делает судьба. Быть свободным – значит делать то, что необходимо сделать в конкретной, особой ситуации. Это не философская абстракция. Мы видим, как это воплощается в усилиях, которые предпринимают люди, в серьезности и самоотверженности, с которыми ежедневно работают тысячи людей, чтобы замедлить распространение инфекции.

Перевод с английского: Наталья Суполкина

ДЖОРДЖО АГАМБЕН
GIORGIO AGAMBEN

ПОЯСНЕНИЯ
CLARIFICATIONS

17/03/2020

Итальянский журналист приложил максимум усилий, в лучших традициях своей профессии, чтобы исказить и сфальсифицировать мои соображения по поводу нравственного замешательства и сумятицы, в которую эпидемия бросает страну, где уже нет никакого уважения даже к мертвым. Так же, как не стоит упоминать его имени, не стоит исправлять его предсказуемые манипуляции. Желаящие это сделать, могут прочитать мой текст «Заражение» на веб-сайте издательства *Quodlibet*. Вместо этого я предпочел бы опубликовать здесь некоторые дальнейшие размышления, которые, несмотря на их ясность, очевидно, также будут сфальсифицированы.

Страх – плохой советчик, но он заставляет нас видеть много вещей, которых мы делали вид, что не видим. Первое, что ясно продемонстрировала волна паники, парализовавшая страну, – это то, что наше общество больше не верит ни во что, кроме голой жизни. Очевиден тот факт, что итальянцы готовы пожертвовать практически всем – нормальными условиями жизни, социальными отношениями, работой, даже дружескими отношениями и религиозными или политическими убеждениями – чтобы избежать опасности заболеть. Голая жизнь и страх ее потерять – это не то, что объединяет мужчин и женщин, а то, что ослепляет и разделяет их. Другие люди, как, например, больные чумой, описанные Мандзони, теперь рассматриваются только как потенциальные загрязнители, которых следует избегать любой ценой или, по крайней мере, держать на расстоянии не менее одного метра. Мертвые – наши мертвые – не имеют права на похороны, и непонятно, что происходит с телами наших близких. Наши сограждане были уничтожены, стерты, и странно, что Церкви молчат об этом. Какими будут человеческие отношения в стране, которая привыкнет жить в таком духе, одному

Богу известно, как долго? И что такое общество, не имеющее никаких других ценностей, кроме выживания?

Другой момент, не менее тревожный, чем первый, заключается в том, что эпидемия ясно показывает, что чрезвычайное положение, к которому правительства стали приучать нас много лет назад, стало подлинно нормальным состоянием. В прошлом были более серьезные эпидемии, но никто никогда даже не думал о том, чтобы объявить чрезвычайное положение, подобное сегодняшнему, которое запрещает нам даже передвигаться. Люди настолько привыкли жить в условиях постоянного кризиса и чрезвычайных ситуаций, что, кажется, не замечают, что их жизнь свелась к чисто биологическому состоянию, которое утратило не только какое-либо социальное и политическое измерение, но даже любое сострадание и эмоциональность. Общество, которое живет в состоянии постоянного чрезвычайного положения, не может быть свободным. Мы фактически живем в обществе, которое пожертвовало свободой по так называемым «причинам безопасности» и, как следствие, обрекло себя на жизнь в состоянии постоянного страха и незащищенности.

Неудивительно, что мы говорим о вирусе с точки зрения войны. Чрезвычайные положения фактически заставляют нас жить в условиях комендантского часа. Но война против невидимого врага, который может гнездиться в любом другом человеке, является самой абсурдной из войн. Если честно, это гражданская война. Враг не где-то снаружи, он внутри нас.

Беспокоит не столько настоящее, или, по крайней мере, не только настоящее, а последствия. Подобно тому, как наследие войн в мирное время включало в себя целый ряд зловещих технологий и оборудования, от колючей проволоки до атомных станций, весьма вероятно, что даже после окончания чрезвычайной медицинской ситуации, будут попытки продолжить многие из экспериментов, которые правительства не смогли осуществить: возможно, университеты и школы останутся закрытыми, а уроки и лекции будут проходить в режиме онлайн, может быть раз и навсегда положен конец встречам и собраниям для обсуждения политических и культурных вопросов, а мы будем обмениваться только цифровыми

сообщениями, и не исключено, что где только это возможно, машины заменят любой контакт – любое заражение – между людьми.

Перевод с английского: Наталья Суполкина

СЕРДЖИО БЕНВЕНУТО
SERGIO BENVENUTO

ЗАБУДЬТЕ ОБ АГАМБЕНЕ
FORGET ABOUT AGAMBEN

Незамедлительной реакцией сторонников суверенитета – облагораживающий эвфемизм для определения неофашистов – на пандемию коронавируса был ответ, которого мы все могли бы ожидать от ксенофобов: закрытие границ и отождествление Covid-19 с Иностранцем. Это то, что сделал Трамп, заблокировав связь с Европой, ничего не делая при этом на внутригосударственном уровне. Опасность всегда исходит извне, и никогда изнутри.

Было отмечено, что эта пандемия выбила почву из-под ног неофашистов (к которым я причисляю Трампа, Джонсона, Сальвини, Эрдогана...). Действительно, в тех случаях, когда любой может заразиться, опасность исходит не извне – Африка, Китай, мусульмане и т. д. – и даже не от другой определяемой и обозначенной группы изнутри, которую можно изолировать, как это веками было с евреями в Европе. Опасность находится повсюду, даже в ребенке, бабушке или дедушке, любовнике... Как сказал журналист Массимо Джаннини: «Мы не в опасности, мы – это и есть опасность». Основные означающие оппозиции нашего шмиттовского существования в качестве политических животных – мы против них, я против других – рушатся, и мы все одинаково опасны. Цыган не более опасен, чем моя собственная дочь, расистские классификации в один миг теряют все свое мобилизующее очарование.

На этом фоне меня не волнует, что разные страны приостановили Шенген. Было бы более тревожным, если бы каждая страна закрылась от другой, но на самом деле это всего лишь еще одно из многих

закрывают на всех уровнях: каждый гражданин закрывается от другого.

Известный философ Джорджо Агамбен пишет (в «*Tribune*»): «Еще печальнее, чем ограничения свободы, предусмотренные в положениях, на мой взгляд, является вырождение человеческих отношений, которое они могут породить. К другому человеку, кем бы он ни был, даже к любимому человеку, нельзя подходить или прикасаться к нему, и нужно соблюдать с ним определенную дистанцию, которая, по некоторым данным, должна составлять один метр, но согласно последним рекомендациям специалистов, должна быть 4,5 метра (любопытно отметить эти сверх-50 сантиметров!). Нашего собрата уничтожили».

Трудно представить себе столь же поверхностную реакцию. По сути, эпидемия отменяет общепринятое мнение: если я люблю своих сограждан, своих близких, я должен обнимать их, целовать или прилипнуть к ним, как сардины в банке... Сегодня я проявляю свою любовь к другому посредством того, что держу его на расстоянии. Это парадокс, который разрушает все примитивные идеологические рамки (идеологические не в марксистском смысле) левых и правых, не говоря уже о популистах.

Нравоучительная пропаганда некоторых политиков и СМИ обращается одновременно к нашему эгоизму и альтруизму: «Если вы избегаете других, вы защищаете не только их, но и себя». Сейчас, очень часто это далеко не правда. В настоящее время общеизвестно, что молодые люди могут быть инфицированы, как и все остальные, но они редко заболевают. Также общеизвестно, что эта пандемия является геронтоцидом: люди, которые действительно находятся в группе риска, старше 65 лет.

Мой друг, который моложе меня, держится от меня на расстоянии не менее трех метров и улыбается. Я очень ценю этот его не-шаг навстречу, потому что я знаю, что, прежде всего, он пытается защитить именно меня; потому что я стар. Правда, он также защищает пожилых людей в своей собственной семье: своего отца, свою мать... Но в любом случае я ему благодарен. Чем больше другие держатся на расстоянии от меня, тем ближе я себя к ним чувствую.

Вот почему Агамбен не смог ничего понять о том, что происходит на молекулярном уровне человеческих отношений.

Напротив, в последние дни я столкнулся с несколькими людьми, которые не соблюдали этого безопасного расстояния и даже не носили перчаток или масок; и они выразили свой скептицизм по поводу серьезности болезни... Я смог понять из их аргументов, что они были попросту циничными и, по сути, антисоциальными особами. Сегодня общительные избегают общества.

Прошлой зимой в Италии в результате осложнений со стороны легких, вызванных гриппом, умерло 8000 человек, в основном пожилые люди. В этом году уровень смертности от коронавируса, вероятно, возрастет примерно до 20-25 тысяч, что в три раза превышает «нормальное» число жертв, в основном среди пожилых людей. Достаточно ли того, что «только» в три раза больше людей умирает из-за сезонной болезни, чтобы сказать, что Агамбен прав, говоря, что это сфальсифицированная, ложная эпидемия? Нет. Потому что это неизвестный вирус, который может иметь куда более катастрофические последствия. Все, что делается, является просто профилактическим. И самое главное: в наших обществах недопустимо, чтобы за одну зиму погибло в три раза больше людей, чем обычно. Это биополитический – то есть этический, моральный – выбор.

Гротескный клоун вроде Бориса Джонсона велел британцам «готовиться преждевременно потерять близких». Но почему бы не обратиться также и к умирающим? Почему бы не сказать им: «Готовьтесь умереть»? Как будто смерть всегда была смертью другого. Возможно, он имел в виду «готовьтесь потерять своих стариков...» Для Бориса Джонсона те, кто умрет, у кого есть все «ингредиенты» для смерти, также теряют качество адресатов, они уже больше даже не «вы». Италия сделала другой выбор: карантин и экономический паралич, чтобы защитить своих пожилых граждан. Среди них можно также найти Агамбена, родившегося в 1942 году. Я чувствую что-то героическое в этой энергичной защите тех, кому недолго осталось жить.

Перевод с английского: Наталья Суполкина

MASSIMO DE CAROLIS
MASSIMO DE CAROLIS

УГРОЗА ЗАРАЖЕНИЯ
THE THREAT OF CONTAGION

Сейчас, когда медийная буря, вызванная коронавирусом, начинает утихать, позволяя, наконец, появиться некоторым достаточно точным данным, и пока вся территория государства подвергается режиму «чрезвычайности», с которым никогда ранее не сталкивались, можно высказать некоторые соображения по поводу того, как в нынешней чрезвычайной ситуации переплетаются биологическая и политическая сферы, не опасаясь смешать обе сферы и тем самым способствовать общей путанице.

Первый факт, который представляется неоспоримым, заключается в экспоненциальном росте числа случаев госпитализации и смерти, который удваивается каждые два-три дня. Словом, эпидемия – это не иллюзия, а реальный факт, эпидемия, способная за пару недель поставить на грань систему лечебных учреждений, с серьезными социальными последствиями в таких регионах, как Кампания или Сицилия, где система здравоохранения уже с трудом справляется в нормальных условиях, по гораздо менее серьезным причинам.

И наоборот, гораздо более обнадеживающим фактом, хотя и не вполне достоверным, является то, что число людей, заразившихся вирусом с легкими симптомами, может быть намного выше, чем показывают фактические проверки. Короче говоря, возможно, что вирус менее смертоносен, и что количество инфицированных начнет снижаться раньше, чем мы думаем, что подтверждают положительные данные из Китая. Поэтому разумно надеяться на то, что эпидемия в конечном итоге закончится, не вызвав миллионы смертей, как это произошло в случае с испанским или азиатским гриппом.

Очевидно, что надежды выше из-за большей эффективности технологий и систем здравоохранения, по сравнению с прошлым. Однако оценить эффективность принимаемых политических мер

сложнее. Складывается впечатление, что их вдохновляет принцип здравого смысла. Теоретически, если бы в Италии в последующие три недели никто ни к кому ни в коем случае не приближался (если, что звучит, как абсурд, жены и мужа перестали бы спать вместе, родители больше не обнимали бы своих детей, а врачи держались подальше от пациентов), то распространение инфекции стало бы невозможным и чрезвычайная ситуация бы прекратилась. Меры правительства, похоже, максимально нацелены на эту идеальную ситуацию. Их целью является, если не отменить социальную жизнь, то, по крайней мере, приостановить ее до дальнейшего распоряжения, полагаясь на дистанционные технологии, такие как социальные сети и разумные виды работы по вопросам коммуникации. Аргументацию этих мер, правильная она или нет, похоже, разделяет подавляющее большинство населения, которое с удивительным рвением адаптируется к новым правилам. Конечно, не все разделяют мнение о том, что дети, которые собрались на празднование дня рождения, или пожилые люди, которые настаивают на том, чтобы выпить кофе в баре, несмотря на эти меры, являются безответственными «преступниками». Но, безусловно, на данный момент подчинение правилам усиливается сильным социальным неодобрением действий нарушителей. Поэтому требование смягчения или даже приостановки этих мер было бы на данный момент бесполезным и непопулярным шагом, тем более что ни у кого, похоже, нет конкурентной альтернативы.

Однако факт остается фактом: эти меры вызывают тревогу, они разрушают социальную связь и навязывают режим уединения и полицейского контроля всему населению, что является ярким напоминанием о самом мрачном опыте нашего недавнего политического прошлого. Поэтому крайне важно понять, действительно ли это простая интермедия, отклонение, или же мы скорее являемся свидетелями проведения общего испытания того, что может стать условием обычной жизни в обществах ближайшего будущего.

Это сомнение обосновывается тем, что разрушение социальных связей и навязчивый контроль во имя «общественного здоровья», безусловно, не были вызваны коронавирусом. На протяжении как

минимум столетия современные социальные механизмы характеризовались тенденцией к созданию общества, основанного на изоляции, в котором спонтанность социальной жизни воспринимается как препятствие или даже угроза стабильности системы. Дело в том, что в прошлом производственная система не могла функционировать без совместной работы тел, голосов и рук: она могла ограничивать и контролировать беспорядочность и разнородность связей и отношений, но не устранить это полностью. Сегодня, наоборот, все это возможно благодаря чудесам технологий. Впервые, несмотря на то, как ни парадоксально это может звучать, общество, производящее машины, может полностью уничтожить человеческую социальность, не слишком дорого заплатив за это. Где гарантия, что это не тестирование варианта будущего?

Чтобы избежать недоразумений, давайте проясним, что ни в коем случае заговор, Призрак или какое-либо более или менее оккультное олицетворение Силы, Власти не ответят на этот вопрос. За социальными явлениями не стоит директор, они являются результатом взаимодействия различного числа независимых сил и влечений. Нет кукловодов, только куклы, оживляющие театр, каждая по-своему, с большей или меньшей силой, в том или ином направлении, часто вопреки своим сознательным намерениям. Когда эпидемия закончится, безусловно, произойдет праздничное возвращение к социальности, о запрете которой ни одно демократическое правительство не будет даже мечтать. Однако, несомненно, многие компании решат, что разумные виды работы удобны, и попросят сотрудников не демонтировать экстренные рабочие места, которые они устроили в своих спальнях. Многие конформисты заметят, что закрытие ночных развлекательных заведений является преимуществом для общественной безопасности, при условии, что это не вредит интересам ресторанов и туризма. Кроме того, многие «идентитарные» политические силы будут напоминать нам о том, что заражение в целом распространяется среди бездомных и, в частности, иммигрантов (хотя, к сожалению, не в этом случае), и что государственная система здравоохранения требует неукоснительной гигиены. В целом, все мы обнаружим, что, в конечном счете, нет социальной жизни, которая не связана с риском

заражения, так же как нет органической жизни, которая не связана с риском болезни и смерти. По этой причине нам придется решать основной политический вопрос: в какой степени мы готовы поставить под угрозу, даже минимально, нашу биологическую безопасность, чтобы поужинать с другом, обнять ребенка или просто поболтать с людьми, разгуливающими на площади? Где мы размещаем планку, принимая решение о том, что наше социальное счастье имеет приоритет над защитой нашего здоровья? Разве политическое существование важнее биологического выживания?

Тот факт, что коронавирус заставляет нас задавать эти вопросы изо дня в день, – это хорошо, потому что структура нашего будущего общества может зависеть от ответов, которые мы предоставим с помощью фактов (а не только слов).

Перевод с английского: Александр Рыбец

ШАЙ МОХАН
SHAJ MOHAN

ЧТО НАС ВЕДЕТ
WHAT CARRIES US ON

*Она чудовищно возвышенна; частично
вследствие окутывающей ее мглы.
И. Кант¹⁴*

В дебатах по поводу коронавируса, организованных журналом «*Antinomie*» и заархивированных Серджио Бенвенуто¹⁵, имплицитно подразумевается вопрос: зачем, для чего мы должны продолжать жить дальше? То есть мы, человечество, которое многие мыслители считали ошибкой в природе, продолжаем жить ради продолжения? Или мы должны вслед за Томасом Тейлором, М. К. Ганди, Пьером

¹⁴ Кант И. Конец всего сущего // И. Кант Трактаты и письма. – М.: Издательство «Наука», 1980.

¹⁵ См. “Coronavirus and Philosophers” <https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/> и <https://antinomie.it>

Кластером и некоторыми другими продолжить проект возврата к историческому моменту, который, по словам Агамбена, является «нормальными условиями жизни»¹⁶. Разве представление Агамбена о нормальной жизни – это не что иное, как мифическая европейская буржуазная идиллия, где «церкви» не «молчат»? Должны ли мы продолжать оценивать всё в нашем настоящем с точки зрения этих «нормальных условий жизни»?

Подобные обсуждения происходили и в Америке, где «бумеры»¹⁷ – те немногие из послевоенного поколения, кто смог насладиться достатком и относительно стабильными условиями жизни, – оценивают жизнь «миллениалов» на основе своих собственных мифов и идиллий. Витгенштейн провел различие между философом и буржуазным мыслителем, который мыслит «с целью прояснить вопросы какого-то конкретного сообщества». Невозможно избежать того факта, что «нормальные условия жизни», которые нужно защищать от «биополитики», зависели и зависят от колониальных, капиталистических и других эксплуататорских процессов, которые все эти семейства мыслей, включая теорию «биополитики», пытаются критиковать. Поскольку понятия «нормальность» и «биополитика», которыми оперирует Агамбен, и которые были позаимствованы у Мишеля Фуко, экспортировались по аналогии во все регионы мира и философские системы, которые гомологически различны, определенное «буржуазное мышление» стало сегодня универсальным. Во многих частях мира эти теории привносят в историю опыт заговорщицкой атмосферы, определяющий ее ход, обрекая людей попросту причитать и жаловаться, что является нашим смыслом «сопротивления» сегодня.

¹⁶ См. Giorgio Agamben “The enemy is not outside, it is within us” <http://bookhaven.stanford.edu/2020/03/giorgio-agamben-on-coronavirus-the-enemy-is-not-outside-it-is-within-us/>

¹⁷ Бумерами называют представителей поколения бэби-бума (baby-boom – резкий рост рождаемости), которые родились после Второй мировой войны в 40-х - начале 60-х годов. Термин «бумер» взят из теории поколений Уильяма Штрауса и Нила Хау. Она прежде всего касается жителей США. По этой теории, есть четыре основных поколения: бумеры (1943-1963 годы), поколение X (1961-1981 годы), поколение Y, или миллениалы (1982-2003 годы) и поколение Z, или зумеры (2003-настоящее время). У каждого поколения свои характерные черты (прим. переводчика).

Ужас перед этим вопросом – зачем нам продолжать жить? – понимался всегда, и он не ограничивается какой-либо эпохой или регионом. Положить конец этому вопросу было главной задачей и работой того, что мы называем «религиями». Однако он начал приобретать актуальность с уничтожением Ницше всех ценностей с целью переоценки всех ценностей. Ницше указывал на скрытый объект мысли как на рекомендацию для переоценки всех ценностей – вечное возвращение одного и того же. В 1934 году Мартин Хайдеггер совершит некое деяние в философии, которое заглушит важность вопроса о том, зачем нам продолжать жить, в лекции под названием «Логика как вопрос о сущности языка». В этой лекции, задолго до Фуко и Агамбена, Хайдеггер выделил определенную форму политики – «политика народонаселения», которая рассматривает людей, не обращая внимания на их кровные и «языковые линии». Он писал: «В ходе переписи народ (*Volk*) считается в смысле населения; населения, поскольку оно представляет собой тело народа (*Volk*), жителей страны. При этом следует учитывать, что в правительственный порядок переписи включена определенная часть народа (*Volk*), а именно та часть, которая проживает в границах государства. Граждане Германии, проживающие за границей, в это число не входят, [они] не принадлежат в этом смысле к народу (*Volk*). С другой стороны, те, кого также можно включить в это число, кто в расовом отношении относится к чужеземной породе, не принадлежат к народу (*Volk*)»¹⁸.

Здесь население означает нечто вроде «разношёрстной команды, разноликой толпы», тогда как идеальный тип «народа» – это те обитатели данной земли, которые когда-то вкусили мифическое единство друг с другом. Вот вам немецкий буржуазный мыслитель.

Если предположить, что эта тенденция прошлого века «евроцентрична», это будет серьезной ошибкой. На самом деле, её наиболее глубокое и поразительное выражение можно найти на субконтиненте. М. К. Ганди тоже придумал идиллию индийской деревни и противопоставил ее «западной цивилизации». Идиллия

¹⁸ Heidegger, M. *Logic as the Question Concerning the Essence of Language* (Buffalo: SUNY Press, 2009), p. 56.

Ганди – это деревня привилегированного, состоятельного индийца высшей касты, в которой царит расовая иерархия и эксплуатация большинства представителей низшей касты, но без капли недовольства со стороны эксплуатируемых. Логика подчинения кастовому порядку без недовольства и обиды на субконтиненте называется «*Karman*»¹⁹. Ганди понимал, что этот идеал никогда не был и не будет реализован в истории.

Однако оценка Ганди человечества не была основана на идеальной деревне как «нормальных условиях». Напротив, сама деревня была основана на принципах гипофизики, согласно которым природа – это благо. Мы назвали этот способ мышления гипофизикой, следуя таксономии нравственного мышления Канта²⁰. Идеальная индийская деревня – это дом гипофизики, где все вещи сохраняются в своем первоначальном значении, то есть это место, где природа никогда не была обесприроднена. Идеальная деревня сохраняет «нормальные условия», несмотря на присутствие человека. Вердикт Ганди состоял в том, что человек был заражен целым рядом способностей, которые позволили ему исследовать всю окружающую среду, имеющуюся в природе, а также побуждали его к открытию среды, неизвестной природе. Существо без соответствующей среды – это шипучая и кипучая ошибка в природе. Если существу нельзя предоставить постоянную, установленную среду, то невозможно также определить, что для него хорошо, а что плохо. Другими словами, действие в нравственном смысле невозможно для такого существа, которое вследствие этого должно стремиться к собственному растворению в природе.

Как известно, цель жизни Ганди состояла в том, чтобы свести себя к «нулю», то есть к точке, когда никаких действий не требовалось. Как и все строгие, радикальные мыслители, он преследовал ту же цель и для самого человечества – мы не должны продолжать жить. Совет Ганди Мартину Буберу относительно судьбы еврейского народа в нацистской Германии исходил из его

¹⁹ Agamben, G. *Karman: A Brief Treatise on Action, Guilt, and Gesture* (Stanford: Stanford University Press, 2018).

²⁰ Shaj Mohan and Divya Dwivedi, *Gandhi and Philosophy: On Theological Anti-Politics* (London: Bloomsbury Academic, 2019, foreword by Jean-Luc Nancy).

интерпретации того, «зачем нам нужно продолжать жить». Когда Бубер обратился к Ганди с просьбой вмешаться от имени еврейского народа, пользуясь своим значительным нравственным авторитетом в мире, он ответил: «Преднамеренное насилие Гитлера может привести даже к массовой расправе над евреями в качестве его первого ответа на объявление таких военных действий. Но если бы еврейский разум можно было бы подготовить к добровольным страданиям, то даже расправа, которую я предположил, могла бы превратиться в день благодарения и радости по поводу того, что Иегова осуществил освобождение расы, пусть даже от рук тирана. Богобоязненному смерть не страшна»²¹.

Схема этого ответа, какой бы шокирующей она ни была, продолжает доминировать и в наше время. То, что удерживает эту схему, – это гипофизика, а теория «биополитики» сама по себе является разновидностью гипофизики.

Сегодня не стоит пренебрегать доминированием этой тенденции (гипофизики), не понимая условий, в которых она возникла. Гипофизика стала доминирующей, когда метафизика стала невозможной; то есть вместо того, чтобы сослаться на другую область ценностей, мы начали находить Идеал в своей предпочтительной социально-экономической среде и в катастрофическом непонимании природы. В прошлом веке мы остро осознали отсутствие «ценности» и, следовательно, определенную неспособность провести различие между добром и злом. Следует отметить, что это отведение глаз от отсутствия ценности, которое заставляет человека крепко держаться за ближайший идеал или идиллию, все еще остается заботливой мыслью.

Формализация опыта существования без ценности, без ориентированности перед вопросом «зачем нам нужно продолжать жить» наиболее чётко прослеживается в ранних работах

²¹ Shaj Mohan and Divya Dwivedi, *Gandhi and Philosophy: On Theological Anti-Politics* (London: Bloomsbury Academic, 2019, foreword by Jean-Luc Nancy).

Хайдеггера²². В философии различие заключается в чем-то дифференцируемом. Например, мы говорим, что «1» и «а» различаются по дифференцируемым «письменным символам, характеристикам». Теология Дунса Скота основана на том, что мыслящее существо является окончательным дифференцируемым, в котором Бог – это бесконечное существо, а создания – конечные существа, имеющие предел. Это дает нам нечто похожее на бесконечного человека и конечных богов. Бытие, в котором проводится различие, позволяет человеку ориентироваться в Боге. Сходство между логикой этого разделения в бытии и теорией идей Платона, описанной в средней части диалога «Государство», заставило Ницше отметить, что христианство было платонизмом для масс.

Хайдеггер предложил новый тип различия без приоритета и превосходства (онтико-онтологическое различие или различие между бытием и сущим), для которого не существует дифференцируемого. С этого момента бытие не может считаться чем-то, что является первичным дифференцируемым, равно как и не может рассматриваться как держатель места для высших сущих – Идеи, Субъекта, Воли – поскольку нет первичного дифференцируемого. Немыслимая логика Хайдеггера открыла тайну бытия как такового и в то же время оставила в состоянии неопределенности непредставимое посредством повествования об упадке в истории различий между бытием и сущим. В этом повествовании когда-то существовала идеальная деревня в Греции, где были доступны «нормальные условия жизни».

Жан-Люк Нанси продолжил начатое и указал на слабые стороны этой мысли, написав непонятное утверждение: «существование предшествует и наследует само себя»²³. Оно стоит вне серии таких суждений, как «существование предшествует сущности» и «сущность предшествует существованию», и подразумевает, по крайней мере, два момента. Во-первых, можно дать объяснение преемственности

²² В «Логико-философском трактате» Витгенштейн пришел к выводу об отсутствии какого-либо «зачем» для нас «продолжать жить» еще до появления на сцене Хайдеггера, но это было сделано в другой логике.

²³ Nancy, Jean-Luc *Sense of the World* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997): p. 34.

каждой вещи самой собой и преемственности одной вещи другой вещью. Тем не менее, нет оснований для сохранения существования под какими-либо другими названиями. Во-вторых, можно ежеминутно определять наши действия или наше передвижение с помощью разума, который движет этим передвижением вне зависимости от нас. Однако нас бросают, мы остаемся беспомощными перед лицом самого мгновения, которое не подчиняется разуму. То есть, длительность вещи самой по себе должным образом непонятна. Мир окружает нас своими интригами разума, и в то же время сам разум подталкивает нас к отсутствию себя в факте разума – захват, из которого невозможно вырваться.

Рассмотрев ряд имен собственных – Витгенштейна, Хайдеггера, Дерриды, Делеза, Нанси – и через различные логики и системности мы пришли к острому пониманию этого факта: нас покинули, бросили. Но что это означает, особенно сейчас, когда мы пытаемся сориентироваться перед лицом эпидемии, а затем и других напастей? В кратком тексте наименее формальным образом кое-что еще можно указать и кое-чем поделиться. Ожидание – это когда мы говорим, что «есть молния, и за ней последует гром». Когда в создании явления участвуют несколько элементов, наши ожидания могут столкнуться с разочарованием или удивлением: например, концерт может быть отменен из-за землетрясения. Мгновения и связь между ними, которую мы можем объяснить разумом, могут находиться в рамках опыта ожидания, предвкушения; т. е. всего на свете. Тем не менее, есть нечто за пределами ожидания (постоянство продолжения мира), в отношении чего мы с абсолютной уверенностью понимаем, что его исчезновение с нами в нем никогда не вызывает беспокойства, хотя мы знаем, что «мир» «кого-то» закончится, включая наш собственный. На каждом этапе ожиданий и разочарований нас удивляет эта дезориентирующая уверенность. Если мы объединим Канта и Витгенштейна, то получится, что конец света, конец человечества – это не событие, потому что это не является событием в мире.

Эта абсолютная уверенность является самым неясным и непонятным опытом, будучи при этом самой явственной и определенной. Подобно мембране, она охватывает всё, проникая во

всё, так же как мы всё изучаем и рассматриваем. Ранние знания Витгенштейна об этой тайне были знаниями человека, который в своем одиночестве испытал чувство мира, находящегося за его пределами, в то время как само существование мира было неясным по этой самой причине. Но сейчас мы можем сказать, что этот опыт непонятного (гарантия абсолютного постоянства, продолжения) возможен при условии, что мы можем говорить друг с другом, обмениваясь своими соображениями и обязанностями. Позже Витгенштейн будет утверждать, что возможность каждого опыта публична, общественна, поскольку нет индивидуального языка. Таким образом, каждый из нас, не зная, откуда и куда, распространяет непонятное, потому что мы можем обмениваться словами, культурами, любовью, предостережениями и трагедиями.

С точки зрения опыта непонятности, нам следует подумать о другой стороне гипофизики, которая является технологическим детерминизмом. Именно эта самая неприязнь к непонятному опыту поворачивает нас к технологическому процветанию, где создается новый бог – гипер-машины, которые будут создавать машины, которые люди не могут ни построить, ни понять. Именно эти машины и положат конец человеку. Биополитика и другие теории обездвигивают нас, делают покорными и смирившимися, подобно животным, ослепленным светом фар, но по причине нашего собственного стремительного технического рвения.

Этим вечером нам нужно немного отдохнуть в нашем совместном уединении (единственном виде уединения, как мы видим) с мыслью о том, что загадка кроется не в том, что мир есть, а в том, что он загадочен для нас, делая из нас тайну, непонятную «*mysterium tremendum*»²⁴. Как сказал поэт, этой ночью мы «живы в сверхнеизвестном» (*Alive in the Superunknown*)²⁵.

Перевод с английского: Наталья Суполкина

²⁴ *Mysterium tremendum* – устрашающая тайна, мистический ужас. Термин, используемый Рудольфом Отто и обозначающий чувство непостижимой тайны, связанной с «нуминозным объектом», который вызывает у поклоняющегося ужас или восхищение (*mysterium fascinosum*) (прим. переводчика).

²⁵ *Alive in the Superunknown* – песня из альбома группы Soundgarden (прим. переводчика).

ЖАН-ЛЮК НАНСИ
JEAN-LUC NANCY

СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ВИРУС
A MUCH TOO HUMAN VIRUS

Как часто говорят, с 1945 года Европа экспортирует свои войны. Распавшись, она не смогла ничего сделать, кроме как распространить свою разобщенность и разлад по своим старым колониям и в направлении своих альянсов и конкурирующих интересов с новыми полюсами власти мира. Среди этих полюсов Европа была лишь воспоминанием, все еще делая вид, что у нее есть будущее.

А сейчас Европа импортирует. Не только товары, как она давно это уже делала, но прежде всего население (что тоже не ново, но становится актуальным, даже тотальным) темпами, заданными конфликтами, которые она экспортирует, и экологическими проблемами (которые также зародились в Европе). Сегодня Европа импортирует вирусную эпидемию.

Что это значит? Это не просто вопрос распространения, у которого имеются свои векторы и траектории. Европа не является центром мира – отнюдь нет – но она упорно продолжает играть свою исторически сложившуюся роль в качестве модели или примера. На территории других государств могут быть притягательные достопримечательности и большие возможности. Некоторые являются традиционными, возможно, даже старомодными, как в Северной Америке; другие поновее, например, в Азии и Африке (при этом Южная Америка является особым случаем, где многие европейские черты сочетаются с другими особенностями). Но Европа казалась или считала себя более или менее востребованной и желанной, по крайней мере, в качестве убежища.

Старый театр всего образцового – правосудие, наука, демократия, красота и благополучие – привлекает желания, даже если эти желания привязаны к заезженным или даже старомодным объектам. Таким образом, Европа остается открытой для посетителей, хотя она не приветствует тех, кто не может заплатить за такие желания. Поэтому неудивительно, что на сцену выходит вирус.

Неудивительно и то, что в Европе этот вирус создает больше беспорядка и суматохи, чем в месте своего возникновения. Действительно, Китай уже установил порядок в отношении рынков, а также болезней. С другой стороны, Европа находилась в состоянии относительного беспорядка: между нациями и между устремлениями. Это привело к некоторой нерешительности, возбуждению и сложной адаптации. Напротив, Соединенные Штаты немедленно прибегли к своей грандиозной политике изоляционизма и своей непоколебимой способности принимать решения. Европа всегда пыталась найти себя (и мир, который она продолжала открывать, исследовать и эксплуатировать), так до сих пор и не осознавая своей позиции.

Именно тогда, когда первый эпицентр пандемии, казалось, был взят под контроль, и многие страны, еще не затронутые эпидемией, закрыли свои двери для европейцев и китайцев, Европа стала эпицентром пандемии. Именно там мы увидели совокупные последствия поездок в Китай (бизнес, отдых, учеба), приезда посетителей из Китая и других стран (бизнес, отдых, учеба), её собственных общих неопределенностей и, наконец, её внутреннего раздора.

Было бы заманчиво резюмировать эту ситуацию, например, так: в Европе это выглядит как «Беги со всех ног! Спасай свою жизнь!», а в других точках – «Покажи, на что ты способен, вирус!» Или вот так: в Европе волокита, скептицизм и расчетливость более распространены, чем во многих других местах. Это наше наследие «размышления разума», свободомыслящее и либертарианское; иными словами, наследие, которое мы, старые европейцы, считали самой жизнью разума.

Вот почему неизбежное повторение выражения «чрезвычайные меры» воскрешает призрак Карла Шмитта посредством некой поспешной, необдуманной параллели. Таким образом, вирус распространяет дискурсы показного неповиновения. Показать, что тебя не обманули, не одурачили, важнее, чем избежать заражения, что равносильно тому, что тебя обманули дважды, возможно, недостаточно вытесненной тревогой. Или детским ощущением всемогущества или бесстрашия.

У каждого (включая меня) есть комментарий, будь то сомнительный комментарий или попытка интерпретации. Философия, психоанализ и политология вируса – у всего есть что сказать.

(Давайте примем точку зрения, представленную Мишелем Деги в его стихотворении «Коронация» на веб-сайте журнала «*Po&Sie*»).

Все хотят обсуждать и спорить, поскольку мы давно привыкли иметь дело с трудностями, невежеством и нерешительностью. На глобальном уровне, как мне кажется, доминируют уверенность, мастерство и решительность. По крайней мере, это образ, который, похоже, возникает или формируется в коллективном воображении.

Пандемия коронавируса на всех уровнях является продуктом глобализации. Она подчеркивает особенности и тенденции последней. Это активный, боевой и эффективный агент свободной торговли. Он принимает участие в более широком процессе, посредством которого культура уничтожается, заменяется чем-то, что является не столько культурой, сколько системой смешанных сил: технических, экономических, авторитарных, а иногда и психологических или физических (если говорить о нефти или атоме). Разумеется, этот процесс ставит под сомнение модель экономического развития, в результате чего президент Франции считает необходимым доложить об этом. Вполне возможно, что нам придется изменить свои алгоритмы, но нет никаких доказательств того, что это послужит началом новой эры.

Действительно, искоренения вируса недостаточно. Если техническое и политическое мастерство окажется похожим на его результат, это только превратит мир в поле сил, напряженных и направленных друг против друга, лишенных отныне каких-либо цивилизационных элементов, действовавших ранее. Заразная жестокость вируса распространяется как административная жестокость. Мы уже сталкиваемся с необходимостью выбирать тех, кто имеет право на лечение. (И это не считая неизбежной экономической и социальной несправедливости.) Это не какая-то закулисная интрига, придуманная неизвестным зловещим заговорщиком. Это также не является результатом злоупотреблений со стороны государств. Единственное, что работает, – это общий

закон взаимосвязей, овладение которым является целью технико-экономических сил.

В прошлом пандемии можно было считать божественным наказанием, так как болезнь вообще очень долго рассматривалась как внешняя, не относящаяся к социальному организму. Сегодня большинство болезней являются эндогенными, вызванными нашими условиями жизни, качеством нашей пищи и токсичностью окружающей среды. То, что раньше было божественным, стало человеческим – слишком человеческим, как говорил Ницше. Долгое время современность можно было определить по формуле Паскаля: «Человек бесконечно превосходит человека». Но если он «слишком» превосходит себя, т. е. не поднимаясь к божественному Паскаля, то тогда он вовсе не превосходит себя. Вместо этого он увязает в человечности, переполненной событиями и ситуациями, которые она породила.

Действительно, вирус подтверждает отсутствие божественного, поскольку мы знаем его биологическую природу. Мы даже обнаруживаем, насколько сложнее и труднее становится дать определение живым существам по сравнению с тем, как мы описывали их ранее. Мы также выясняем, насколько осуществление политической власти (власти народа, так называемого «сообщества», такого как «европейское» сообщество или военная диктатура) является еще одной формой усложнения, которой еще труднее дать определение, чем мы могли подумать. Сейчас мы лучше понимаем, насколько неподходящим в этих условиях является термин «биополитика». Жизнь и политика вместе бросают нам вызов. Наше научное знание говорит нам, что мы зависим только от наших собственных технических возможностей, но не существует чистой техничности, потому что само знание включает в себя неопределенности (нужно только прочитать опубликованные исследования). Поскольку технический потенциал не является однозначным, насколько менее однозначным должен быть политический потенциал, при этом якобы руководствующийся объективными данными и ожидающий ответа на законные ожидания?

Безусловно, решения должны, тем не менее, основываться на предполагаемой объективности. Если эта объективность диктует

«изоляция» или «дистанцирование», как далеко должны зайти власти, чтобы обеспечить их соблюдение? И, наоборот, на каком этапе мы можем говорить о корыстных интересах правительства, которое хочет, например, сохранить проведение Олимпийских игр, от которых рассчитывает получить прибыль, как и многие руководители предприятий и спортивные менеджеры, в чьих интересах также действует правительство? Или говорить об интересах правительства, которое использует данную возможность, чтобы разжечь националистические чувства?

Вирусное увеличительное стекло увеличивает характеристики наших противоречий и наших ограничений. Это принцип реальности, который сталкивается с принципом удовольствия. Смерть является его спутником. Смерть, которую мы экспортировали вместе с войнами, голодом и опустошением, которую, как мы думали, мы свели к нескольким другим вирусам и раку (сейчас в квазивирусной экспансии), теперь ждет нас за углом. Подумать только! Мы – люди, двуногие, без перьев и одаренные языком, но, безусловно, не являемся ни сверхчеловеком, ни трансчеловеком. Слишком человеческие? Или же мы должны понимать, что не может быть такого понятия, как «слишком» человеческий, и что именно это бесконечно превосходит нас?

Перевод с английского: Наталья Суполкина

ДУЭЙН РУССЕЛЬ
DUANE ROUSSELLE

ПРАВДА О КОРОНАВИРУСЕ
THE TRUTH ABOUT CORONAVIRUS

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/the-truth-about-coronavirus/>

К психоаналитикам предъявляются новые срочные требования. Они приходят в форме просьб о помощи: «Помоги мне проснуться от кошмара нашей нынешней пандемии!» Даже Славой Жижек недавно

признался, что думал о том, чтобы выйти на улицу, чтобы быть поближе к новому коронавирусу, и не беспокоиться о нем как о надвигающейся угрозе. Это один из способов обмануть себя, чтобы одержать верх над реальным, но он нерационален. Увы, нет возможности проснуться от этого кошмара. Пробуждение от него может лишь дать обещание, что сон продолжится в новой форме.

Кошмар – это возвращение к загадке влечения, это возврат к невозможности осмыслить происходящее. Он также открывает возможность выработать новые решения с помощью науки, которая действует непосредственно в реальном, и посредством повседневного гипер-прагматического отношения. Действительно, мы быстро приближаемся к тому типу прагматизма, который действует в Индии, откуда я сейчас пишу. Индийцы регулярно участвуют в активных стратегиях по поддержанию границ, в активных переговорах со своим окружением. И как убедительно доказывал Макс Вебер много лет назад: позиция Дхармы в отношении реинкарнации требует фиксации на бесконечном жизненном цикле перерождений, жизни, которой, наконец, следует положить конец. Это мечта, о которой мы уже начали мечтать в Америке. Это мечта XXI века о реальном, у которого каждый субъект ищет утешения в темном и хаотичном мире.

Крайняя необходимость сейчас достигла апогея, в то время как требование, с которым мы сталкиваемся, представляется нам все более и более правдивым. Среди всего этого психоанализ становится убежищем, сопротивляясь тенденции требовать, чтобы субъект изолировался дальше в реальном. Кто хочет жить в мире, который заставляет выбирать между наукой и чумой? Единственный выбор, который видит субъект сегодня, – это обратиться к прагматичной науке как к ответу на острую необходимость или же прыгать в мире постоянного поддержания границ до изнеможения или одиночества.

Увы, кошмар никогда не заканчивается.

Психоанализ сопротивляется этим близнецовым реакциям и заключает договор с кошмаром, заставляя его работать на благо истины. Неслучайно пандемия соответствует всем координатам, недавно изложенным Всемирной Ассоциацией Психоанализа, последние несколько лет работы которой стали свидетелями

разработки концепций экстренности, ночных кошмаров, паники, реального, загадки и т. д. Это координаты нашего холодного нового мира, и они помогают нам составить карту пространства для нового изобретения.

Сегодня мы должны открыть новый способ дистанцирования от реального, не теряя при этом нашу социальную нить. Психоанализ столкнулся с загадочным вирусом непосредственно как с краеугольным камнем его дискурса и как нитью его новой социальной связи. Таким образом, когда Фрейд по дороге в Америку сказал – хотя нет никаких доказательств того, что он действительно это сказал, – «они не понимают, что мы несем им чуму», он, в некотором смысле, поставил психоанализ на сторону чумы. Этого уже достаточно, чтобы продемонстрировать, что отказ Лакана от излечения или здорового образа жизни как цели психоанализа соответствует духу открытия Фрейда. Мы должны быть очень скромными, так как наша цель не состоит в том, чтобы «вылечить» людей от чумы: наша цель состоит скорее в том, чтобы найти то, что внутри чумы предлагает доступ к истине, которая определяет нас и может быть использована в социальных целях.

Настоящая угроза сегодня – это не обязательно коронавирус, а само реальное, которое уступает место коронавирусу и всем другим ужасающим и незаконным пандемиям, таким как аддикции, одиночество, депрессия, панические атаки и так далее. Поскольку мы изо всех сил пытаемся либо заглушить реальное, либо избежать его (с помощью различных методов так называемой «биополитики», таких как измерения температуры, маски, самоизоляция и т. д.), мы также рискуем упустить из виду структуры, породившие их. Если раньше аэропорты и вокзалы были местами разграничения между одним пространством и другим, то теперь они стали размытыми пространствами: граница, отделяющая невроз от психоза, как и граница, отделяющая общественное от частного, рухнула. И этот крах подразумевает, что будут те, кто поспешит внедрить новые и более хитрые способы управления и контроля над миром.

Капитализм и прагматичная философия, на которых он основывается, вновь предлагают себя в качестве противоядия от хаоса: прагматичная наука, быстро погружающаяся в реальное, чтобы

найти решение, свободный рынок и другие христианские светские представления о беспристрастном вмешательстве, выдвигаются на первый план, пока другие нарративы предполагают, что коронавирус является последствием неоспоримых диктатур. Имеется в виду, что капитализм (и рынок, который подталкивает практиков изобретать другой гаджет или таблетку, другое быстрое решение и т. д.) является единственной разумной альтернативой. Этот нарратив может думать только о капитализме и диктатуре, о прагматизме и авторитаризме, которые во многих отношениях являются двумя симптоматическими реакциями на реальное. Но прагматизм на самом деле никогда не был философией, равно как капитализм не был политико-экономической системой. Если радикальные философы, включая Маркса и Бакунина, поспешили спросить «а как же альтернативы?», то это было потому, что они иногда упускали из виду, что капитализм занял позицию «альтернативы». Капитализм является альтернативой (авторитаризму, догматизму, социализму и т. д.). Капитализм продает себя не посредством своих явных убеждений и присущих ему свобод, а скорее посредством своего «денежно-ценностного» подхода к истине (заимствуя выражение у американских прагматиков): истина правдива именно потому, что она производит эффект, имеющий косвенную ценность. Капитализм сегодня поддерживает себя, предлагая себя в качестве прагматичной альтернативы любому устойчивому убеждению.

В основе травмы капитализма лежит реальное. Будь мы подвержены экологическим катастрофам, надвигающемуся планетарному коллапсу или биологическим кризисам, мы во всех случаях являемся свидетелями бесконечного возвращения незаконного реального. Это то, что Мишель Фуко и его последователи сегодня (многие из которых недавно опубликовали свои письма в Европейском журнале психоанализа), похоже, упускают: возврат к «голой жизни» или «биополитике» – это ограниченная точка зрения в том смысле, что она фокусирует и выдвигает на передний план методы управления, не рассматривая эти методы в качестве ответов на новые парадигмы *jouissance*. Мы должны противостоять искушению рассматривать биополитику только как попытку управлять реальным; она состоит также из

реальных вторжений в любую такую попытку управлять им и контролировать его.

Это двигатель политики сегодня, это правда нашего времени.

Перевод с английского: Александр Рыбец

МОНИК ЛОРЕ

MONIQUE LAURET

КАКИЕ УРОКИ МОЖНО ИЗВЛЕЧЬ ИЗ КИТАЙСКОГО КРИЗИСА COVID-19?

WHAT CAN WE LEARN FROM THE CHINESE COVID-19 CRISIS?

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/what-can-we-learn-from-the-chinese-covid-19-crisis/>

Вспышка коронавируса принимает пандемические масштабы. Это событие, которое объединяет ученых всего мира, также вызывает вопросы у психоаналитиков. Оно поднимает вопросы о теле как о данном, существующем до каких-либо соображений о его психическом состоянии. Мы считаем, что психоаналитики должны принять вызов и рассказать, чему нас может научить этот доминирующий статус тела.

Моник Лоре, член Европейского фонда психоанализа (EFP), которая много лет работает в Китае и говорит по-китайски, знакомит нас с тем, как китайские чиновники справлялись с этой вспышкой. Не только с политической точки зрения, как это часто делается, но и в свете вековой культуры Среднего царства. Поэтому мы предлагаем этот исходный текст психоаналитикам для размышления.

Дела никогда не идут так, как должны, всегда есть какой-то непредвиденный фактор, к которому нужно приспособиться, и который расстраивает первоначальное направление воли.

Будучи людьми, мы должны сталкиваться с неожиданным в теле, с болезнью и смертью – этими реальными событиями, которые возникают из ниоткуда, которые наносят удар и напоминают нам, что мы смертны. Фантазия полного контроля, лежащая в основе идеологического проекта науки, вступает в противоречие с этой

неконтролируемой реальностью тайны живых, реальностью, которую западный мир с его тоталитарной утопией, склонен отрицать.

Появление нового вируса в Китае, в очень символическом городе в центре страны, Ухань, создало, ввиду опасности пандемии, глобальное движение, состоящее из архаичных страхов, страха смерти, паники, и примитивных защитных реакций, таких как отчуждение и отказ от другого, возвращающее все формы расовой ненависти, которыми отмечены не слишком отдаленные периоды истории. Пробуждение дракона столкнулось с препятствием, но можно извлечь урок из того, как китайцы боролись с этим испытанием. Решительным ответом Китая было применение древней формы обращения к традиционным средствам общественного здравоохранения, установление карантина в пострадавшей части страны, рискуя остановить экономическое производство и причинить страдания населению, вынужденному подвергаться этим мерам изоляции, чтобы сдержать начало эпидемии. Судя по всему, эти меры были успешными. Точка равновесия, когда тенденция к экспоненциальному росту болезни обращена вспять, возможно, была достигнута, как в чередующемся движении Инь и Янь. Китайское мышление циклично, не похоже на линейное мышление западного мира, которое лежит в основе современного технологического развития. Кроме того, интересно отметить, что китайское слово для обозначения изоляции, «gelí, 隔离», которое объединяет два символа «делить» и «удаленный», переводится на западе как «заключение», термин, широко используемый в ядерной области и в биологии, в научном дискурсе. В трудные времена китайский субъект складывается, изгибается как тростник, но не ломается. Его внутренняя сила исходит из осевшего конфуцианского и даосского учений, укоренявшихся в течение двух тысяч лет, которые рассматривают человека как часть мира и его общества, а не, в первую очередь, как личность, какой его видит западная перспектива. Конфуцианский *рен*, обозначающий «хорошее человеческое чувство», основан на идее, что человек становится человеком только по отношению к другим: это высшая добродетель. Для народов западного мира, которые почитают научное всемогущество на службе

глобализации, пробуждение, вероятно, будет более болезненным. Но было бы также интересно, если бы это дало возможность поставить под вопрос глобализацию излишков, основанную на жадности и быстрой прибыли, пренебрегая этическими условиями общественного договора между людьми, игнорируя планету, опустошенную собственными предпочтениями.

Я преподаю французский психоанализ в Китае в течение десяти лет вместе с несколькими коллегами, обучая китайских терапевтов. Я работала в Ухани в течение четырех лет. Китай сделал необходимые инвестиции в улучшение своей системы охраны психического здоровья, так же как он недавно инвестировал в быстрое строительство больниц во время эпидемии. За последние десять лет я увидела колоссальное развитие и большую открытость на встречу французским ноу-хау. Сделает ли Франция необходимые инвестиции, чтобы спасти свои больницы от ветхости и справиться с этим кризисом в области здравоохранения? В то время как Запад, в котором доминирует научно-техническая идеология с узким фокусом на рациональном, теоретическом и бюрократическом, напоминающем регресс, закрыт для бессознательного измерения и психоанализа, Китай открывает ему свои двери, увеличивая число учебных центров в городах, количество терапевтических центров, создание жилья в озелененных пространствах, и проведение международных конференций. Существует неожиданный проход между китайской мыслью и психоанализом, двумя направлениями мысли, касающимися поддержания человеческого измерения в человеке; они находятся в центре моего исследования. Восток и Запад по-разному реагируют на них. Психоанализ – это живая система мышления, находящаяся в постоянной трансформации, которую принимает Китай, в отличие от западного мира, чья идея прогресса сегодня включает в себя выхолащивание мысли, подчинение человека доминирующей, ориентированной на прибыль, машинно-центрированной, рациональной мысли. То, что мы теряем на Западе, и то, что китайцы получают, может взамен научить нас, в круговом движении, кое-чему о положении человека в мире.

Перевод с французского: Агне Якоб
Перевод с английского: Александр Рыбец